

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

АЛЕКСАНДР ДЮМА

Три
мушкетера

Иллюстрации
МОРИСА ЛЕДУАРА

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2015

УДК 821.161.1
ББК 84(Фр.) 6-5
Д96

Перевод с французского
В. Вальдман, Д. Лившиц, К. Ксаниной

Рисунок на переплете
О. Бабкина

Дюма А.

Д96 Три мушкетера/Пер. с франц. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015.— 668 с.: ил.— (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-1824-4

Куда податься бедному гасконскому дворянину, если все, что у него есть, это отвага, благородное сердце и честолюбие? Ну конечно в Париж! И конечно, такому храбрцу самое место среди королевских мушкетеров. Однако честь состоять в этом привилегированном полку еще надо заслужить, и самый верный путь... нажить могущественных врагов и обзавестись друзьями. Д'Артаньяну в кратчайший срок блестяще удалось и то и другое — врагов было много, а друзей всего трое, но, право, эти три мушкетера стоили целого полка! Их скучное житье-бытье, состоявшее из войны и дуэлей, дуэлей и войны, необычайно оживилось в тот день, когда они вызвались помочь влюбленному д'Артаньяну, хотя и знали, что перешли дорогу великому и ужасному кардиналу Ришелье.

В настоящем издании воспроизводятся все 250 иллюстраций известного французского художника Мориса Лелуара, выполненные им для юбилейного парижского издания 1894 года и по праву считающиеся лучшими иллюстрациями к этому роману. Также публикуется письмо Александра Дюма-сына, написанное им для того же издания.

УДК 821.161.1
ББК 84(Фр.) 6-5

© В. Вальдман, Наследники, 2015
© Д. Лившиц, Наследники, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-1824-4

ТРИ МУШКЕТЕРА

Александр Дюма

Художник
Морис Лелуар

250
иллюстраций

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА,
*где устанавливается, что в героях повести,
которую мы будем иметь честь рассказать нашим
читателям, нет ничего мифологического,
хотя имена их и оканчиваются на «ос» и «ис»*

Примерно год тому назад, занимаясь в Королевской библиотеке разысканиями для моей истории Людовика XIV, я случайно попал на «Воспоминания г-на д'Артаньяна», напечатанные — как большинство сочинений того времени, когда авторы, стремившиеся говорить правду, не хотели отправиться затем на более или менее длительный срок в Бастилию, — в Амстердаме, у Пьера Ружа. Заглавие соблазнило меня; я унес эти мемуары домой, разумеется, с позволения хранителя библиотеки, и жадно на них набросился.

Я не собираюсь подробно разбирать здесь это любопытное сочинение, а только посоветую ознакомиться с ним тем моим читателям, которые уме-

ют ценить картины прошлого. Они найдут в этих мемуарах портреты, набросанные рукой мастера, и, хотя эти беглые зарисовки в большинстве случаев сделаны на дверях казармы и на стенах кабака, читатели тем не менее узнают в них изображения Людовика XIII, Анны Австрийской, Ришелье, Мазарини и многих придворных того времени, изображения столь же верные, как в истории г-на Анкетилля.

Но, как известно, прихотливый ум писателя иной раз волнует то, чего не замечают широкие круги читателей. Восхищаясь, как, без сомнения, будут восхищаться и другие, уже отмеченными здесь достоинствами мемуаров, мы были, однако, больше всего поражены одним обстоятельством, на которое никто до нас, наверное, не обратил ни малейшего внимания.

Д'Артаньян рассказывает, что, когда он впервые явился к капитану королевских мушкетеров г-ну де Тревилюю, он встретил в его приемной трех молодых людей, служивших в том прославленном полку, куда сам он добивался чести быть зачисленным, и что их звали Атос, Портос и Арамис.

Признаемся, чуждые нашему слуху имена поразили нас, и нам сразу пришло на ум, что это всего лишь псевдонимы, под которыми д'Артаньян скрыл имена, быть может, знаменитые, если только носители этих прозвищ не выбрали их сами в тот день, когда из прихоти, с досады или же по бедности они надели простой мушкетерский плащ.

С тех пор мы не знали покоя, стараясь отыскать в сочинениях того времени хоть какой-нибудь след этих необыкновенных имен, возбуждивших в нас живейшее любопытство.

Один только перечень книг, прочитанных нами с этой целью, составил бы целую главу, что, пожалуй, было бы очень поучительно, но вряд ли занимательно для наших читателей. Поэтому мы только скажем им, что в ту минуту, когда, упав духом от столь длительных и бесплодных усилий, мы уже решили бросить наши изыскания, мы нашли наконец, руководствуясь советами нашего знаменитого и ученого друга Полена Париса, рукопись in-folio, помеченную № 4772 или 4773, не помним точно, и озаглавленную:

«Воспоминания графа де Ла Фер о некоторых событиях, происшедших во Франции к концу царствования короля Людовика XIII и в начале царствования короля Людовика XIV».

Можно представить себе, как велика была наша радость, когда, перелистывая эту рукопись, нашу последнюю надежду, мы обнаружили на двадцатой странице имя Атоса, на двадцать седьмой — имя Портоса, а на тридцать первой — имя Арамиса.

Находка совершенно неизвестной рукописи в такую эпоху, когда историческая наука достигла столь высокой степени развития, показалась нам чудом. Мы поспешили испросить разрешения напечатать ее, чтобы явиться когда-нибудь с чужим багажом в Академию Надписей и Изыщной Словесности, если нам не удастся — что весьма вероятно — быть принятыми во Французскую академию со своим собственным.

Такое разрешение, считаем своим долгом сказать это, было нам любезно дано, что мы и отмечаем здесь, дабы гласно уличить во лжи недоброжелателей, утверждающих, будто правительство, при котором мы живем, не очень-то расположено к литераторам.

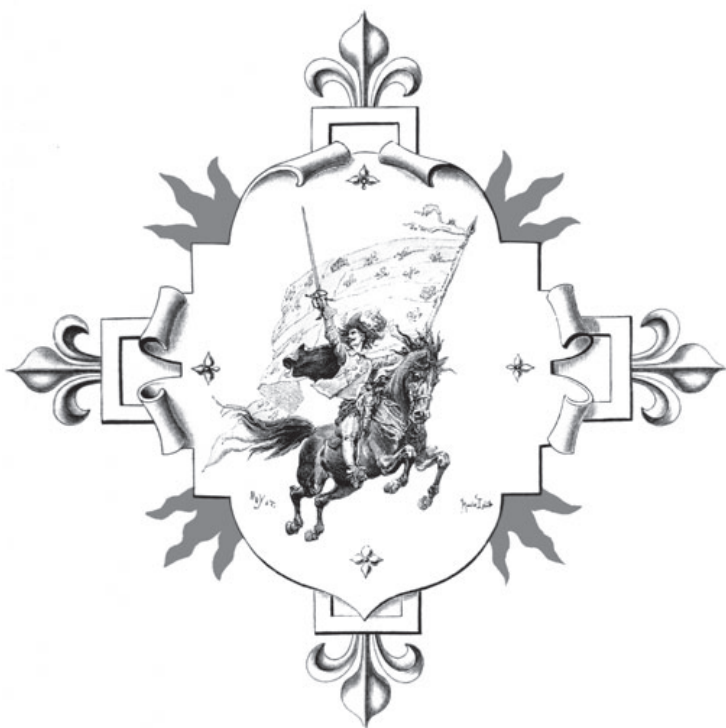
Мы предлагаем сейчас вниманию наших читателей первую часть этой драгоценной рукописи, восстановив подобающее ей заглавие, и обязуемся, если эта первая часть будет иметь тот успех, которого она заслуживает и в котором мы не сомневаемся, немедленно опубликовать и вторую.

А пока что, так как восприемник является вторым отцом, мы приглашаем читателя видеть в нас, а не в графе де Ла Фер источник своего удовольствия или скуки.

Итак, переходим к нашему повествованию.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ТРИ ДАРА Г-НА Д'АРТАНЬЯНА-ОТЦА

В первый понедельник апреля 1625 года все население городка Менга, где некогда родился автор «Романа о розе», было объято таким волнением, словно гугеноты собирались превратить его во вторую Ла-Рошель. Некоторые из горожан при виде женщин, бегущих в сторону Главной улицы, и слыша крики детей, доносившиеся с порога домов, торопливо надевали доспехи, вооружались, кто мушкетом, кто бердышом, чтобы придать себе более мужественный вид, и устремлялись к гостинице «Вольный мельник», перед которой собиралась густая и шумная толпа любопытных, увеличивавшаяся с каждой минутой.

В те времена такие волнения были явлением обычным, и редкий день тот или иной город не мог занести в свои летописи подобное событие. Знатные

господа сражались друг с другом; король воевал с кардиналом; испанцы вели войну с королем. Но, кроме этой борьбы — то глухой, то явной, то тайной, то открытой, — были еще и воры, и нищие, и гугеноты, бродяги и слуги, воевавшие со всеми. Горожане вооружались против воров, против бродяг, против слуг, нередко — против владетельных вельмож, время от времени — против короля, но против кардинала или испанцев — никогда. Именно в силу этой закоренелой привычки в вышеупомянутый первый понедельник апреля 1625 года горожане, услышав шум и не узрев ни желто-красных значков, ни ливрей слуг герцога Ришелье, устремились к гостинице «Вольный мельник».

И только там для всех стала ясна причина суматохи.

Молодой человек... Постараемся набросать его портрет: представьте себе Дон-Кихота в восемнадцать лет, Дон-Кихота без доспехов, без лат и набедренныхников, в шерстяной куртке, синий цвет которой приобрел оттенок, средний между рыжим и небесно-голубым. Продолговатое смуглое лицо; выдающиеся скулы — признак хитрости; челюстные мышцы чрезмерно развитые — неотъемлемый признак, по которому можно сразу определить гасконца, даже если на нем нет берета, — а молодой человек был в берете, украшенном подобием пера; взгляд открытый и умный; нос крючковатый, но тонко очерченный; рост слишком высокий для юноши и недостаточный для зрелого мужчины. Неопытный человек мог бы принять его за пустившегося в путь фермерского сына, если бы не длинная шпага на кожаной портупее, бившаяся о ноги своего владельца, когда он шел пешком, и ерошившая гриву его коня, когда он ехал верхом.

Ибо у нашего молодого человека был конь, и даже столь замечательный, что он и впрямь был всеми замечен. Это был беарнский мерин лет двенадцати, а то и четырнадцати от роду, желтовато-рыжей масти, с облезлым хвостом и опухшими бабками. Конь этот, хоть и трусил, опустив морду ниже колен, что освобождало всадника от необходимости натягивать мундштук, все же способен был покрыть за день расстояние в восемь лье. Эти качества коня были, к несчастью, настолько заслонены его нескладным видом и странной окраской, что в те годы, когда все знали толк в лошадях, появление вышеупомянутого беарнского мерина в Менге, куда он вступил с четверть часа назад через ворота Божанси, произвело столь неблагоприятное впечатление, что набросило тень и на самого всадника.

Сознание этого тем острее задевало молодого д'Артаньяна (так звали этого нового Дон-Кихота, восседавшего на новом Росинанте), что он не пытался скрыть от себя, насколько он — каким бы хорошим наездником он ни был — должен выглядеть смешным на подобном коне. Недаром он оказался не в силах подавить тяжелый вздох, принимая этот дар от д'Артаньяна-отца. Он знал, что цена такому коню самое большее двадцать ливров. Зато нельзя отрицать, что бесценны были слова, сопутствовавшие этому дару.

«Сын мой! — произнес гасконский дворянин с тем чистейшим беарнским акцентом, от которого Генрих IV не мог отвыкнуть до конца своих дней. — Сын мой, конь этот увидел свет в доме вашего отца лет тринадцать назад и

все эти годы служил нам верой и правдой, что должно расположить вас к нему. Не продавайте его ни при каких обстоятельствах, дайте ему в почете и покое умереть от старости. И, если вам придется пуститься на нем в поход, щадите его, как щадили бы старого слугу. При дворе, — продолжал д'Артаньян-отец, — в том случае, если вы будете там приняты, на что, впрочем, вам дает право древность вашего рода, поддерживайте ради себя самого и ваших близких честь вашего дворянского имени, которое в течение более пяти столетий с достоинством носили ваши предки. Под словом «близкие» я подразумеваю ваших родных и друзей. Не покоряйтесь никому, за исключением короля и кардинала. Только мужеством — слышите ли вы, единственно мужеством! — дворянин в наши дни может пробить себе путь. Кто дрогнет хоть на мгновение, возможно, упустит случай, который именно в это мгновение ему предоставляла фортуна. Вы молоды и обязаны быть храбрым по двум причинам: во-первых, вы гасконец и, кроме того, — вы мой сын. Не опасайтесь случайностей и ищите приключений. Я дал вам возможность научиться владеть шпагой. У вас железные икры и стальная хватка. Вступайте в бой по любому поводу, деритесь на дуэли, тем более что дуэли воспрещены и, следовательно, нужно быть мужественным вдвойне, чтобы драться. Я могу, сын мой, дать вам с собою всего пятнадцать экю, коня и те советы, которые вы только что выслушали. Ваша матушка добавит к этому рецепт некоего бальзама, полученный ею от цыганки; этот бальзам обладает чудодейственной силой и излечивает любые раны, кроме сердечных. Воспользуйтесь всем этим и живите счастливо и долго... Мне остается прибавить еще только одно, а именно: указать вам пример — не себя, ибо я никогда не бывал при дворе и участвовал добровольцем только в войнах за веру... Я имею в виду господина де Тревиля, который был некогда моим соседом. В детстве он имел честь играть с нашим королем Людовиком Тринадцатым — да хранит его Господь! Случалось, что игры их переходили в драку, и в этих драках перевес оказывался не всегда на стороне короля. Тумаки, полученные им, внушили королю большое уважение и дружеские чувства к господину де Тревилю. Позднее, во время первой своей поездки в Париж, господин де Тревиль дрался с другими лицами пять раз, после смерти покойного короля и до совершеннолетия молодого, не считая войн и походов — семь раз, а со дня этого совершеннолетия и до наших дней — раз сто! И недаром, невзирая на эдикты, приказы и постановления, он сейчас капитан мушкетеров, то есть цезарского легиона, который высоко ценит король и которого побаивается кардинал. А он мало чего боится, как всем известно. Кроме того, господин де Тревиль получает десять тысяч экю в год. И следовательно, он весьма большой вельможа. Начал он так же, как вы. Явитесь к нему с этим письмом, следуйте его примеру и действуйте так же, как он».

После этих слов г-н д'Артаньян-отец вручил сыну свою собственную шпагу, нежно облобызал его в обе щеки и благословил.

При выходе из комнаты отца юноша увидел свою мать, ожидавшую его с рецептом пресловутого бальзама, применять который, судя по приведенным выше отцовским советам, ему предстояло часто. Прощание здесь дли-

лось дольше и было нежнее, чем с отцом, не потому, чтобы отец не любил своего сына, который был единственным его детищем, но потому, что г-н д'Артаньян был мужчина и счел бы недостойным мужчины дать волю своему чувству, тогда как г-жа д'Артаньян была женщина и мать. Она горько плакала, и нужно признать, к чести г-на д'Артаньяна-младшего, что, как ни старался он сохранить выдержку, достойную будущего мушкетера, чувства взяли верх, и он пролил много слез, которые ему удалось — и то с большим трудом — скрыть лишь наполовину.

В тот же день юноша пустился в путь со всеми тремя отцовскими дарами, состоявшими, как мы уже говорили, из пятнадцати экю, коня и письма г-ну де Тревилю. Советы, понятно, не в счет.

Снабженный таким напутствием, д'Артаньян как телесно, так и духовно точь-в-точь походил на героя Сервантеса, с которым мы его столь удачно сравнили, когда долг рассказчика заставил нас набросать его портрет. Дон-Кихоту ветряные мельницы представлялись великанами, а стадо овец —

целой армией. Д'Артаньян каждую улыбку воспринимал как оскорбление, а каждый взгляд — как вызов. Поэтому он от Тарба до Менга не разжимал кулака и не менее десяти раз на день хватался за эфес своей шпаги. Все же его кулак не раздробил никому челюсти, а шпага не покидала своих ножен. Правда, вид злополучной клячи не раз вызывал улыбку на лицах прохожих, но, так как о ребра коня билась внушительного размера шпага, а выше поблескивали глаза, горевшие не столько гордостью, сколько гневом, прохожие

подавляли смех. А если уж веселость брала верх над осторожностью, старались улыбаться одной половиной лица, словно древние маски. Так д'Артаньян, сохраняя величественность осанки и весь запас запальчивости, добрался до злополучного города Менга.

Но там, у самых ворот «Вольного мельника», сходя с лошади без помощи хозяина, слуги или конюха, которые придержали бы стремя приезжего, д'Артаньян в раскрытом окне первого этажа заметил дворянина высокого роста и важного вида. Дворянин этот, с лицом надменным и неприветливым, что-то говорил двум спутникам, которые, казалось, почтительно слушали его.

Д'Артаньян, по обыкновению, сразу же предположил, что речь идет о нем, и напряг слух. На этот раз он не ошибся или ошибся только отчасти: речь шла не о нем, а о его лошади. Незнакомец, по-видимому, перечислял все ее достоинства, а так как слушатели, как я уже упоминал, относились к нему весьма почтительно, то раздражались хохотом при каждом его слове. Принимая во внимание, что даже легкой улыбки было достаточно, для того чтобы вывести из себя нашего героя, нетрудно себе представить, какое действие возымели на него столь бурные проявления веселости.

Д'Артаньян прежде всего пожелал рассмотреть физиономию наглеца, позволившего себе издеваться над ним. Он вперил гордый взгляд в незнакомца и увидел человека лет сорока, с черными пронизательными глазами, с бледным лицом, с крупным носом и черными, весьма тщательно подстриженными усами. Он был в камзоле и фиолетовых штанах со шнурами того же цвета, без всякой отделки, кроме обычных прорезей, сквозь которые виднелась сорочка. И штаны и камзол, хотя и новые, были сильно измяты, как дорожные вещи, долгое время пролежавшие в сундуке. Д'Артаньян все это уловил с быстротой тончайшего наблюдателя, возможно, также подчиняясь инстинкту, подсказывавшему ему, что этот человек сыграет значительную роль в его жизни.

Итак, в то самое мгновение, когда д'Артаньян остановил свой взгляд на человеке в фиолетовом камзоле, тот отпустил по адресу беарнского конька одно из своих самых изощренных и глубокомысленных замечаний. Слушатели его разразились смехом, и по лицу говорившего скользнуло, явно вопреки обыкновению, бледное подобие улыбки. На этот раз не могло быть сомнения: д'Артаньяну было нанесено настоящее оскорбление.

Преисполненный этого сознания, он глубже надвинул на глаза берет и, стараясь подражать придворным манерам, которые подметил в Гаскони у знатных путешественников, шагнул вперед, схватившись одной рукой за эфес шпаги и подбоченясь другой. К несчастью, гнев с каждым мгновением ослеплял его все больше, и он в конце концов вместо гордых и высокомерных фраз, в которые собирался облечь свой вызов, был в состоянии произнести лишь несколько грубых слов, сопровождавшихся бешеной жестикующей.

— Эй, сударь! — закричал он. — Вы! Да, вы, прячущийся за этим ставнем! Сблаговолите сказать, над чем вы смеетесь, и мы посмеемся вместе!

Знатный проезжий медленно перевел взгляд с коня на всадника. Казалось, он не сразу понял, что это к нему обращены столь странные упреки. Затем, когда у него уже не могло оставаться сомнений, брови его слегка на-

Maurice Lajoie.

1/1000

хмурились, и он, после довольно продолжительной паузы, ответил тоном, полным непередаваемой иронии и надменности:

— Я не с вами разговариваю, милостивый государь.

— Но я разговариваю с вами! — воскликнул юноша, возмущенный этой смесью наглости и изысканности, учтивости и презрения.

Незнакомец еще несколько мгновений не сводил глаз с д'Артаньяна, а затем, отойдя от окна, медленно вышел из дверей гостиницы и остановился в двух шагах от юноши, прямо против его коня. Его спокойствие и насмешливое выражение лица еще усилили веселость его собеседников, продолжавших стоять у окна.

Д'Артаньян при его приближении вытащил шпагу из ножен на целый фут.

— Эта лошадь в самом деле ярко-желтого цвета или, вернее, была когда-то таковой, — продолжал незнакомец, обращаясь к своим слушателям, оставшимся у окна, и словно не замечая раздражения д'Артаньяна, несмотря на то, что молодой гасконец стоял между ним и его собеседниками. — Этот цвет, весьма распространенный в растительном мире, до сих пор редко отмечался у лошадей.

— Смеется над конем тот, кто не осмелится смеяться над его хозяином! — воскликнул в бешенстве гасконец.

— Смеюсь я, сударь, редко, — произнес незнакомец. — Вы могли бы заметить это по выражению моего лица. Но я надеюсь сохранить за собой право смеяться, когда пожелаю.

— А я, — воскликнул д'Артаньян, — не позволю вам смеяться, когда я этого не желаю!

— В самом деле, сударь? — переспросил незнакомец еще более спокойным тоном. — Что ж, это вполне справедливо.

И, повернувшись на каблуках, он направился к воротам гостиницы, у которых д'Артаньян, еще подбегая, успел заметить оседланную лошадь.

Но не таков был д'Артаньян, чтобы отпустить человека, имевшего дерзость насмеяться над ним. Он полностью вытащил свою шпагу из ножен и бросился за обидчиком, крича ему вслед:

— Обернитесь, обернитесь-ка, сударь, чтобы мне не пришлось ударить вас сзади!

— Ударить меня? — воскликнул незнакомец, круто повернувшись на каблуках и глядя на юношу столь же удивленно, сколь и презрительно. — Что вы, что вы, милейший, вы, верно, с ума спятили!

И тут же, вполголоса и словно разговаривая с самим собой, он добавил:

— Вот досада! И какая находка для его величества, который всюду ищет храбрецов, чтобы пополнить ряды своих мушкетеров...

Он еще не договорил, как д'Артаньян сделал такой яростный выпад, что, не отскочи незнакомец вовремя, эта шутка оказалась бы последней в его жизни. Незнакомец понял, что история принимает серьезный оборот, выхватил шпагу, поклонился противнику и в самом деле приготовился к защите.

Но в этот самый миг оба его собеседника в сопровождении трактирщика, вооруженные палками, лопатами и каминными щипцами, накинулись на д'Артаньяна, осыпая его градом ударов. Это неожиданное нападение резко изменило течение поединка, и противник д'Артаньяна, воспользовавшись мгновением, когда тот повернулся, чтобы грудью встретить дождь сыпавшихся на него ударов, все так же спокойно сунул шпагу обратно в ножны. Из действующего лица, каким он чуть было не стал в разыгравшейся сцене, он становился свидетелем — роль, с которой он справился с обычной для него невозмутимостью.

— Черт бы побрал этих гасконцев! — все же пробормотал он. — Посадите-ка его на этого оранжевого коня, и пусть убирается.

— Не раньше чем я убью тебя, трус! — крикнул д'Артаньян, стоя лицом к своим трем противникам и по мере сил отражая удары, которые продолжали градом сыпаться на него.

— Гасконское хвастовство! — пробормотал незнакомец. — Клянусь честью, эти гасконцы неисправимы! Что ж, всыпьте ему хорошенько, раз он этого хочет. Когда он выдохнется, то сам скажет.

Но незнакомец еще не знал, с каким упрямцем он имеет дело. Д'Артаньян был не таков, чтобы просить пощады. Сражение продолжалось поэтому еще несколько секунд. Наконец молодой гасконец, обессилив, выпустил из рук шпагу, которая переломилась под ударом палки. Следующий удар рассек ему лоб, и он упал, обливаясь кровью и почти потеряв сознание.

Как раз к этому времени народ сбегался со всех сторон к месту происшествия. Хозяин, опасаясь лишних разговоров, с помощью своих слуг унес раненого на кухню, где ему была оказана кое-какая помощь.

Незнакомец, между тем вернувшись к своему месту у окна, с явным неудовольствием поглядывал на толпу, которая своим присутствием, по-видимому, до чрезвычайности раздражала его.

— Ну, как поживает этот одержимый? — спросил он, повернувшись при звуке раскрывшейся двери и обращаясь к трактирщику, который пришел осведомиться о его самочувствии.

— Ваше сиятельство целы и невредимы? — спросил трактирщик.

— Целехонек, милейший мой хозяин. Но я желал бы знать, что с нашим молодым человеком.

— Ему теперь лучше, — ответил хозяин. — Он совсем было потерял сознание.

— В самом деле? — переспросил незнакомец.

— Но до этого он, собрав последние силы, звал вас, бранился и требовал удовлетворения.

— Это сущий дьявол! — воскликнул незнакомец.

— О нет, ваше сиятельство, — возразил хозяин, презрительно скривив губы. — Мы обыскали его, пока он был в обмороке. В его узелке оказалась всего одна сорочка, а в кошельке — одиннадцать экю. Но, несмотря на это,

он, лишаясь чувств, все твердил, что, случись эта история в Париже, вы бы раскаялись тут же на месте, а так вам раскаяться придется позже.

— Ну, тогда это, наверное, переодетый принц крови, — холодно заметил незнакомец.

— Я счел нужным предупредить вас, ваше сиятельство, — вставил хозяин, — чтобы вы были начеку.

— Он в пылу гнева никого не называл?

— Как же, называл! Он похлопывал себя по карману и повторял: «Посмотрим, что скажет господин де Тревиль, когда узнает, что оскорбили человека, находящегося под его покровительством».

— Господин де Тревиль? — проговорил незнакомец, насторожившись. — Похлопывал себя по карману, называя имя господина де Тревиля?.. Ну и как, почтеннейший хозяин? Полагаю, что, пока наш молодой человек был без чувств, вы не преминули заглянуть также и в этот кармашек. Что же в нем было?

— Письмо, адресованное господину де Тревилю, капитану мушкетеров.

— Неужели?

— Точь-в-точь как я имел честь докладывать вашему сиятельству.

Хозяин, не обладавший особой проницательностью, не заметил, какое выражение появилось при этих словах на лице незнакомца. Отойдя от окна, о косяк которого он до сих пор опирался, он озабоченно нахмурил брови.

— Дьявол! — процедил он сквозь зубы. — Неужели Тревиль подослал ко мне этого гасконца? Уж очень он молод! Но удар шпагой — это удар шпагой, какой бы ни был возраст того, кто его нанесет. А мальчишка внушает меньше опасений. Случается, что мелкое препятствие может помешать достижению великой цели.

Незнакомец на несколько минут задумался.

— Послушайте, хозяин! — сказал он наконец. — Не возьметесь ли вы избавить меня от этого сумасброда? Убить его мне не позволяет совесть, а между тем... — на лице его появилось выражение холодной жестокости, — а между тем он мешает мне. Где он сейчас?

— В комнате моей жены, во втором этаже. Ему делают перевязку.

— Вещи и сумка при нем? Он не снял камзола?

— И камзол и сумка остались внизу, на кухне. Но раз этот юный сумасброд вам мешает...

— Разумеется, мешает. Он создает в вашей гостинице суматоху, которая беспокоит порядочных людей... Отправляйтесь к себе, приготовьте мне счет и предупредите моего слугу.

— Как? Ваше сиятельство уже покидает нас?

— Это было вам известно и раньше. Я ведь приказал вам оседлать мою лошадь. Разве мое распоряжение не исполнено?

— Исполнено. Ваше сиятельство может убедиться — лошадь оседлана и стоит у ворот.

— Хорошо, тогда сделайте, как я сказал.

«Вот так штука! — подумал хозяин. — Уж не испугался ли он мальчишки?»

Но повелительный взгляд незнакомца остановил поток его мыслей. Он подобострастно поклонился и вышел.

«Только бы этот проходимец не увидел миледи, — думал незнакомец. — Она скоро должна проехать... Немного запаздывает. Лучше всего, пожалуй, верхом выехать ей навстречу... Если б только я мог узнать, что написано в этом письме, адресованном де Тревилю!..»

И незнакомец, продолжая шептать что-то про себя, направился в кухню.

Трактирщик между тем, не сомневаясь в том, что именно присутствие молодого человека заставляет незнакомца покинуть его гостиницу, поднялся в комнату жены. Д'Артаньян уже вполне пришел в себя. Намекнув на то, что полиция может к нему придрататься, так как он затеял ссору со знатным вельможей — а в том, что незнакомец — знатный вельможа, трактирщик не сомневался, — хозяин постарался уговорить д'Артаньяна, несмотря на слабость, подняться и двинуться в путь. Д'Артаньян, еще полуголушенный, без камзола, с головой, обвязанной полотенцем, встал и, тихонько подталкиваемый хозяином, начал спускаться с лестницы. Но первым, кого он увидел, переступив порог кухни и случайно бросив взгляд в окно, был его обидчик, который спокойно беседовал с кем-то, стоя у подножки дорожной кареты, запряженной парой крупных нормандских коней.

Его собеседница, голова которой виднелась в рамке окна кареты, была молодая женщина лет двадцати — двадцати двух. Мы уже упоминали о том, с какой быстротой д'Артаньян схватывал все особенности человеческого лица. Он увидел, что дама была молода и красива. И эта красота тем сильнее поразила его, что она была совершенно необычна для Южной Франции, где д'Артаньян жил до сих пор. Это была бледная белокурая женщина с длинными локонами, спускавшимися до самых плеч, с голубыми томными глазами, с розовыми губками и белыми, словно алебастр, руками. Она о чем-то оживленно беседовала с незнакомцем.

— Итак, его высокопреосвященство приказывает мне... — говорила дама.

— ...немедленно вернуться в Англию и оттуда сразу же прислать сообщение, если герцог покинет Лондон.

— А остальные распоряжения?

— Вы найдете их в этом ларце, который вскроете только по ту сторону Ла-Манша.

— Прекрасно. Ну а вы что намерены делать?

— Я возвращаюсь в Париж.

— Не проучив этого дерзкого мальчишку?

Незнакомец собирался ответить, но не успел и рта раскрыть, как д'Артаньян, слышавший весь разговор, появился на пороге.

— Этот дерзкий мальчишка сам проучит кого следует! — воскликнул он. — И надеюсь, что тот, кого он собирается проучить, на этот раз не скроется от него.

— Не скроется? — переспросил незнакомец, сдвинув брови.

— На глазах у дамы, я полагаю, вы не решитесь сбежать?

— Помните... — вскрикнула миледи, видя, что незнакомец хватается за эфес своей шпаги, — помните, что малейшее промедление может все погубить!

— Вы правы, — поспешно произнес незнакомец. — Поезжайте своим путем. Я поеду своим.

И, поклонившись даме, он вскочил в седло, а кучер кареты обрушил град ударов кнута на спины своих лошадей. Незнакомец и его собеседница во весь опор помчались в противоположные стороны.

— А счет, счет кто оплатит? — завопил хозяин, расположение которого к гостю превратилось в глубочайшее презрение при виде того, как он удаляется, не рассчитавшись.

— Заплати, бездельник! — крикнул, не останавливаясь, всадник своему слуге, который швырнул к ногам трактирщика несколько серебряных монет и поскакал вслед за своим господином.

— Трус! Подлец! Самозванный дворянин! — закричал д'Артаньян, бросаясь, в свою очередь, вдогонку за слугой.

Но юноша был еще слишком слаб, чтобы перенести такое потрясение. Не успел он пробежать и десяти шагов, как в ушах у него зазвенело, голова закружилась, кровавое облако заволокло глаза, и он рухнул среди улицы, все еще продолжая кричать:

— Трус! Трус! Трус!

— Действительно жалкий трус! — проговорил хозяин, приближаясь к д'Артаньяну и стараясь лестью заслужить доверие бедного юноши и обмануть его, как цапля в басне обманывает улитку.

— Да, ужасный трус, — прошептал д'Артаньян. — Но зато она какая красавица!

— Кто она? — спросил трактирщик.

— Миледи, — прошептал д'Артаньян и вторично лишился чувств.

— Ничего не поделаешь, — сказал хозяин. — Двоих я упустил. Зато я могу быть уверен, что этот пробудет хоть несколько дней. Одиннадцать экю я все же заработаю.

Мы знаем, что одиннадцать экю — это было все, что оставалось в кошельке д'Артаньяна.

Трактирщик рассчитывал, что его гость проболует одиннадцать дней, платя по одному экю в день, но он не знал своего гостя. На следующий день д'Артаньян поднялся в пять часов утра, сам спустился в кухню, попросил достать ему кое-какие снадобья, точный список которых не дошел до нас, к тому еще вина, масла, розмарина и, держа в руке рецепт, данный ему матерью, изготовил бальзам, которым смазал свои многочисленные раны, сам меня повязки и не допуская к себе никакого врача. Вероятно, благодаря целебному свойству бальзама, а возможно, и благодаря отсутствию врачей д'Артаньян в тот же вечер поднялся на ноги, а на следующий день был уже совсем здоров.

Но, расплачиваясь за розмарин, масло и вино — единственное, что потребил за этот день юноша, соблюдавший строжайшую диету, тогда как буланый конек поглотил, по утверждению хозяина, в три раза больше, чем можно было предположить, принимая во внимание его рост, — д'Артаньян нашел у себя в кармане только потертый бархатный кошелек с хранившимися в нем одиннадцатью экю. Письмо, адресованное господину де Тревилю, исчезло.

Сначала юноша искал письмо тщательно и терпеливо, Раз двадцать выворачивал карманы штанов и жилета, снова и снова ощупывал свою дорожную сумку. Но, убедившись окончательно, что письмо исчезло, он пришел в такую ярость, что чуть снова не явилась потребность в вине и душистом масле, ибо, видя, как разгорячился молодой гость, грозивший в пух и прах разнести все в этом заведении, если не найдут его письма, хозяин вооружился дубиной, жена — метлой, а слуги — теми самыми палками, которые уже были пущены ими в ход накануне.

— Письмо, письмо с рекомендацией! — кричал д'Артаньян. — Подайте мне мое письмо, тысяча чертей! Или я насажу вас на вертел, как рябчиков!

К несчастью, некое обстоятельство препятствовало юноше осуществить свою угрозу. Как мы уже рассказывали, шпага его была сломана пополам в первой схватке, о чем он успел совершенно забыть. Поэтому, сделав попытку выхватить шпагу, он оказался вооружен лишь обломком длиной в несколько дюймов, который трактирщик аккуратно засунул в ножны, припрятав остаток клинка в надежде сделать из него шпиговальную иглу.

Это обстоятельство не остановило бы, вероятно, нашего пылкого юношу, если бы хозяин сам не решил наконец, что требование гостя справедливо.

— А в самом деле, — произнес он, опуская дубинку, — куда же делось письмо?

— Да, где же это письмо? — закричал д'Артаньян. — Предупреждаю вас: это письмо к господину де Тревилю, и оно должно найтись. А если оно не найдется, господин де Тревиль заставит его найти, поверьте!

Эта угроза окончательно запугала хозяина. После короля и господина кардинала имя г-на де Тревиля, пожалуй, чаще всего упоминалось не только военными, но и горожанами. Был еще, правда, «отец Жозеф», но его имя произносилось не иначе как шепотом: так велик был страх перед «серым преосвященством», другом кардинала Ришелье.

Отбросив дубинку, знаком приказав жене бросить метлу, а слугам — палки, трактирщик сам подал добрый пример и занялся поисками письма.

— Разве в это письмо были вложены какие-нибудь ценности? — спросил он после бесплодных поисков.

— Еще бы! — воскликнул гасконец, рассчитывавший на это письмо, чтобы пробить себе путь при дворе. — В нем заключалось все мое состояние.

— Испанские боны? — с беспокойством осведомился хозяин.

— Боны на получение денег из личного казначейства его величества, — ответил д'Артаньян, который, рассчитывая с помощью этого письма поступить на королевскую службу, счел, что имеет право, не солгав, дать этот несколько рискованный ответ.

— Черт возьми! — воскликнул трактирщик в полном отчаянии.

— Но это неважно... — продолжал д'Артаньян со свойственным гасконцу апломбом, — это неважно, и деньги — пустяк. Само письмо — вот единственное, что имело значение. Я предпочел бы потерять тысячу пистолей, чем утратить это письмо!

С тем же успехом он мог бы сказать и «двадцать тысяч», но его удержала юношеская скромность.

Внезапно словно луч света сверкнул в мозгу хозяина, который тщетно обыскивал все помещение.

— Письмо вовсе не потеряно! — сказал он.

— Что? — вскрикнул д'Артаньян.

— Нет. Оно похищено у вас.

— Похищено? Но кем?

— Вчерашним неизвестным дворянином. Он спускался в кухню, где лежал ваш камзол. Он оставался там один. Бьюсь об заклад, что это дело его рук!

— Вы думаете? — неуверенно произнес д'Артаньян.

Ведь ему лучше, чем кому-либо, было известно, что письмо это могло иметь значение только для него самого, и он не представлял себе, чтобы кто-нибудь мог на него польститься. Несомненно, что никто из находившихся в гостинице проезжих, никто из слуг не мог бы извлечь какие-либо выгоды из этого письма.

— Итак, вы сказали, что подозреваете этого наглого дворянина? — переспросил д'Артаньян.

— Я говорю вам, что убежден в этом, — подтвердил хозяин. — Когда я сказал ему, что вашей милости покровительствует господин де Тревиль и что при вас даже письмо к этому достославному вельможе, он явно забеспокоился, спросил меня, где находится это письмо, и немедленно же сошел в кухню, где, как ему было известно, лежал ваш камзол.

— Тогда похититель — он! — воскликнул д'Артаньян. — Я пожалуйю господину де Тревилью, а господин де Тревиль пожалуется королю!

Затем, с важностью вытащив из кармана два экю, он протянул их хозяину, который, сняв шапку, проводил его до ворот. Тут он вскочил на своего желто-рыжего коня, который без дальнейших приключений довез его до Сент-Антуанских ворот города Парижа. Там д'Артаньян продал коня за три экю — цена вполне приличная, если учесть, что владелец основательно загнал его к концу путешествия. Поэтому барышник, которому д'Артаньян уступил коня за вышеозначенную сумму, намекнул молодому человеку, что

на такую неслыханную цену он согласился, только прельстившись необычайной мастью лошади.

Итак, д'Артаньян вступил в Париж пешком, неся под мышкой свой узелок, и бродил по улицам до тех пор, пока ему не удалось снять комнату, соответствующую его скудным средствам. Эта комната представляла собой подобие мансарды и находилась на улице Могильщиков, вблизи Люксембурга.

Внеся задаток, д'Артаньян сразу же перебрался в свою комнату и весь остаток дня занимался работой: обшивал свой камзол и штаны галуном, который мать споролла с почти совершенно нового камзола г-на д'Артаньяна-отца и потихоньку отдала сыну. Затем он сходил на набережную Железного Лома и дал приделать новый клинок к своей шпаге. После этого он дошел до Лувра и у первого встретившегося мушкетера справился, как найти дом г-на де Тревиля. Оказалось, что дом этот расположен на улице Старой Голубятни, то есть совсем близко от места, где поселился д'Артаньян, — обстоятельство, истолкованное им как предзнаменование успеха.

Затем, довольный своим поведением в Менге, не раскаиваясь в прошлом, веря в настоящее и полный надежд на будущее, он лег и уснул богатырским сном.

Как добрый провинциал, он проспал до девяти утра и, поднявшись, отправился к достославному г-ну де Тревилю, третьему лицу в королевстве, согласно суждению г-на д'Артаньяна-отца.

II ПРИЕМНАЯ Г-НА ДЕ ТРЕВИЛЯ

Господин де Труавиль — имя, которое еще продолжают носить его родичи в Гаскони, или де Тревиль, как он в конце концов стал называть себя в Париже, — путь свой и в самом деле начал так же, как д'Артаньян, то есть без единого су в кармане, но с тем запасом дерзости, остроумия и находчивости, благодаря которому даже самый бедный гасконский дворянчик, питающийся лишь надеждами на отцовское наследство, нередко добивался большего, чем самый богатый перигорский или беррийский дворянин, опиравшийся на реальные блага. Его дерзкая смелость, его еще более дерзкая удачливость в такое время, когда удары шпаги сыпались как град, возвели его на самую вершину лестницы, именуемой придворным успехом, по которой он взлетел, шагая через три ступеньки.

Он был другом короля, как всем известно, глубоко чтившего память своего отца, Генриха IV. Отец г-на де Тревиля так преданно служил ему в войнах против лиги, что за недостатком наличных денег, — а наличных денег всю жизнь не хватало беарнцу, который все долги свои оплачивал островами, единственным, чего ему не приходилось занимать, — что за недостатком наличных денег, как мы уже говорили, король разрешил ему после взя-

тия Парижа включить в свой герб льва на червленом поле с девизом: «Fidelis et fortis»¹. То была большая честь, но малая прибыль. И, умирая, главный соратник великого Генриха оставил в наследство сыну всего только шпагу свою и девиз. Благодаря этому наследству и своему незапятнанному имени г-н де Тревиль был принят ко двору молодого принца, где он так доблестно служил своей шпагой и был так верен неизменному девизу, что Людовик XIII, один из лучших фехтовальщиков королевства, обычно говорил, что, если бы кто-нибудь из его друзей собрался драться на дуэли, он посоветовал бы ему пригласить в секунданты первым его самого, а вторым — г-на де Тревиля, которому, пожалуй, даже следовало бы отдать предпочтение.

Людовик XIII питал истинную привязанность к де Тревилю — правда, привязанность королевскую, эгоистическую, но все же привязанность. Дело в том, что в эти трудные времена высокопоставленные лица вообще стремились окружить себя людьми такого склада, как де Тревиль. Много нашлось бы таких, которые могли считать своим девизом слово «сильный» — вторую часть надписи в гербе де Тревилей, но мало кто из дворян мог претендовать на эпитет «верный», составлявший первую часть этой надписи. Тревиль это право имел. Он был один из тех редких людей, что умеют повиноваться слепо и без рассуждений, как верные псы, отличаясь сообразительностью и крепкой хваткой. Глаза служили ему для того, чтобы улавливать, не гневется ли на кого-нибудь король, а рука — чтобы разить виновника: какого-нибудь Бема или Моревера, Польшро, де Мере или Витри. Тревилю до сих пор недоставало только случая, чтобы проявить себя, но он выжидал его, чтобы ухватить за вихор, лишь только случай подвернется. Недаром Людовик XIII и назначил де Тревиля капитаном своих мушкетеров, игравших для него ту же роль, что королевские ординарцы для Генриха III и шотландская гвардия для Людовика XI.

Кардинал, со своей стороны, в этом отношении не уступал королю. Увидев, какой грозной когортой избранных окружил себя Людовик XIII, этот второй или, правильнее, первый властитель Франции также пожелал иметь свою гвардию. Поэтому он обзавелся собственными мушкетерами, как Людовик XIII обзавелся своими, и можно было наблюдать, как эти два властелина-соперника отбирали для себя во всех французских областях и даже в иностранных государствах людей, прославившихся своими ратными подвигами. Случалось нередко, что Ришелье и Людовик XIII по вечерам за партией в шахматы спорили о достоинствах своих воинов. Каждый из них хвалился выправкой и смелостью последних и, на словах осуждая стычки и дуэли, втихомолку подбивал своих приверженцев к дракам. Победа или поражение их мушкетеров доставляли им непомерную радость или подлинное огорчение. Так по крайней мере повествует в своих мемуарах человек, бывший участником большого числа этих побед и некоторых поражений.

Тревиль угадал слабую струнку своего повелителя и этому был обязан неизменным, длительным расположением короля, который не прославился

¹ «Верный и сильный» (лат.).

постоянством в дружбе. Вызывающий вид, с которым он проводил парадным маршем своих мушкетеров перед кардиналом Арманом дю Плесси, заставлял в гневе щетиниться седые усы его высокопреосвященства. Тревиль до тонкости владел искусством войны того времени, когда приходилось жить либо за счет врага, либо за счет своих соотечественников; солдаты его составляли легион сорвиголов, повиновавшихся только ему одному.

Небрежно одетые, подвыпившие, исцарапанные, мушкетеры короля или, вернее, мушкетеры г-на де Тревиля шатались по кабакам, по увеселительным местам и пирушкам, орали, покручивая усы, бряцая шпагами и с наслаждением задирая телохранителей кардинала, когда те встречались им на дороге. Затем из ножен с тысячью прибауток выхватывалась шпага. Случалось, их убивали, и они падали, убежденные, что будут оплаканы и отомщены; чаще же случалось, что убивали они, уверенные, что им не дадут сгнить в тюрьме: г-н де Тревиль, разумеется, вызволит их. Эти люди на все голоса расхваливали г-на де Тревиля, которого обожали, и, хоть все они были отчаянные головы, трепетали перед ним, как школьники перед учителем, повиновались ему по первому слову и готовы были умереть, чтобы смыть с себя малейший его упрек.

Господин де Тревиль пользовался вначале этим мощным рычагом на пользу королю и его приверженцам, позже — на пользу себе и своим друзьям. Впрочем, ни из каких мемуаров того времени не явствует, чтобы даже враги, — а их было у него немало как среди владевших пером, так и среди владевших шпагой, — чтобы даже враги обвиняли этого достойного человека в том, будто он брал какую-либо мзду за помощь, оказываемую его верными солдатами. Владея способностью вести интригу не хуже искуснейших интриганов, он оставался честным человеком. Более того: несмотря на изнурительные походы, на все тяготы военной жизни, он был отчаянным искателем веселых приключений, изощреннейшим дамским угодником, умевшим при случае щегольнуть изысканным мадригалом. О его победах над женщинами ходило столько же сплетен, сколько двадцатью годами раньше о сердечных делах Бассомпьера, — а это кое-что значило. Капитан мушкетеров вызывал восхищение, страх и любовь, другими словами — достиг вершины счастья и удачи.

Людовик XIV поглотил все мелкие созвездия своего двора, затмив их своим ослепительным сиянием, тогда как отец его, солнце, *pluribus impar*¹, предоставлял каждому из своих любимцев, каждому из приближенных сиять собственным блеском. Кроме утреннего приема у короля и у кардинала в Париже происходило больше двухсот таких «утренних приемов», пользовавшихся особым вниманием. Среди них утренний прием у де Тревиля собирал наибольшее число посетителей.

Двор его особняка, расположенного на улице Старой Голубятни, походил на лагерь уже с шести часов утра летом и с восьми часов зимой. Человек пятьдесят или шестьдесят мушкетеров, видимо сменявшихся время от вре-

¹ Многим не равное (*лат.*).

мени, с тем чтобы число их всегда оставалось внушительным, постоянно расхаживали по двору, вооруженные до зубов и готовые на все. По лестнице, такой широкой, что современный строитель на занимаемом ею месте выстроил бы целый дом, сновали вверх и вниз просители, искавшие каких-нибудь милостей, приезжие из провинции дворяне, жаждущие зачисления в мушкетеры, и лакеи в разноцветных, шитых золотом ливреях, явившиеся сюда с посланиями от своих господ. В приемной на длинных, расположенных вдоль стен скамьях сидели избранные, то есть те, кто был приглашен хозяином. С утра и до вечера в приемной стоял несмолкаемый гул, в то время как де Тревиль в кабинете, прилегавшем к этой комнате, принимал гостей, выслушивал жалобы, отдавал приказания и, как король со своего балкона в Лувре, мог, подойдя к окну, произвести смотр своим людям и вооружению.

В тот день, когда д'Артаньян явился сюда впервые, круг собравшихся казался необычайно внушительным, особенно в глазах провинциала. Провинциал, правда, был гасконец, и его земляки в те времена пользовались славой людей, которых трудно чем-либо смутить. Пройдя через массивные ворота, обитые длинными гвоздями с квадратными шляпками, посетитель оказывался среди толпы вооруженных людей. Люди эти расхаживали по двору, перекликались, затевали то ссору, то игру. Чтобы пробить себе путь сквозь эти бушующие людские волны, нужно было быть офицером, вельможей или хорошенькой женщиной.

Наш юноша с бьющимся сердцем прокладывал себе дорогу сквозь эту толкотню и давку, прижимая к худым ногам непомерно длинную шпагу, не отнимая руки от края широкополой шляпы и улыбаясь жалкой улыбкой провинциала, старающегося скрыть свое смущение. Миновав ту или иную группу посетителей, он вздыхал с некоторым облегчением, но ясно ощущал, что присутствующие оглядываются ему вслед, и впервые в жизни д'Артаньян, у которого до сих пор всегда было довольно хорошее мнение о своей особе, чувствовал себя неловким и смешным.

У самой лестницы положение стало еще затруднительнее. На нижних ступеньках четверо мушкетеров забавлялись веселой игрой, в то время как столпившиеся на площадке десять или двенадцать их приятелей ожидали своей очереди, чтобы принять участие в забаве. Один из четверых, стоя ступенькой выше прочих и обнажив шпагу, препятствовал или старался препятствовать остальным трем подняться по лестнице. Эти трое нападали на него, ловко орудуя шпагой.

Д'Артаньян сначала принял эти шпаги за фехтовальные рапиры, полагая, что острие защищено. Но вскоре, по некоторым царапинам на лицах участников игры, понял, что клинки были самым тщательным образом отточены и заострены. При каждой новой царапине не только зрители, но и сами пострадавшие раздражались бурным хохотом.

Мушкетер, занимавший в эту минуту верхнюю ступеньку, блестяще отбивался от своих противников. Вокруг них собралась толпа. Условия игры

заклучались в том, что при первой же царапине раненый выходил из игры и его очередь на аудиенцию переходила к победителю. За какие-нибудь пять минут трое оказались задетыми: у одного была поцарапана рука, у другого — подбородок, у третьего — ухо, причем защищавший ступеньку не был

задет ни разу. Такая ловкость, согласно условиям, вознаграждалась продвижением на три очереди.

Как ни трудно было удивить нашего молодого путешественника или, вернее, заставить его показать, что он удивлен, все же эта игра поразила его. На его родине, в том краю, где кровь обычно так легко ударяет в голову, для вызова на дуэль все же требовался хоть какой-нибудь повод. Гасконада четверых игроков показалась ему самой необычайной из всех, о которых ему когда-либо приходилось слышать даже в самой Гаскони. Ему почудилось, что он перенесся в пресловутую страну великанов, куда впоследствии попал Гулливер и где натерпелся такого страха. А между тем до цели было еще далеко: оставались верхняя площадка и приемная.

На площадках уже не дрались — там сплетничали о женщинах, а в приемной — о дворе короля. На площадке д'Артаньян покраснел, в приемной затрепетал. Его живое и смелое воображение, делавшее его в Гаскони опасным для молоденьких горничных, а подчас и для их молодых хозяек, никогда, даже в горячечном бреду, не могло бы нарисовать ему и половины любовных прелестей и даже четверти любовных подвигов, служивших здесь темой разговора и приобретающих особую остроту от тех громких имен и сокровеннейших подробностей, которые при этом перечислялись. Но если на площадке был нанесен удар его добронравию, то в приемной поколебалось его уважение к кардиналу. Здесь д'Артаньян, к своему великому удивлению, услышал, как критикуют политику, заставлявшую трепетать всю Европу; нападкам подвергалась здесь и личная жизнь кардинала, хотя за малейшую попытку проникнуть в нее, как знал д'Артаньян, пострадало столько могущественных и знатных вельмож. Этот великий человек, которого так глубоко чтил г-н д'Артаньян-отец, служил здесь посмешищем для мушкетеров г-на де Тревиля. Одни потешались над его кривыми ногами и сутулой спиной; кое-кто распевал песенки о его возлюбленной, мадам д'Эгильон, и о его племяннице, г-же де Комбале, а другие тут же сговаривались подшутить над пажами и телохранителями кардинала, — все это представлялось д'Артаньяну немислимим и диким.

Но если в эти едкие эпиграммы по адресу кардинала случайно вполетало имя короля, казалось — чья-то невидимая рука на мгновение прикрывала эти насмешливые уста. Разговаривавшие в смущении оглядывались, словно опасаясь, что голоса их проникнут сквозь стену в кабинет г-на де Тревиля. Но почти тотчас же брошенный вскользь намек переводил снова разговор на его высокопреосвященство, голоса снова звучали громко, и ни один из поступков великого кардинала не остался в тени.

«Всех этих людей, — с ужасом подумал д'Артаньян, — неминуемо засадят в Бастилию и повесят. А меня заодно с ними: меня сочтут их соучастником, раз я слушал и слышал их речи. Что сказал бы мой отец, так настойчиво внушавший мне уважение к кардиналу, если б знал, что я нахожусь в обществе подобных вольнодумцев!»

Д'Артаньян поэтому, как легко догадаться, не решался принять участие в разговоре. Но он глядел во все глаза и жадно слушал, напрягая все свои пять чувств, лишь бы ничего не упустить. Несмотря на все уважение к отцовским советам, он, следуя своим влечениям и вкусам, был склонен скорее одобрять, чем порицать происходившее вокруг него.

Принимая, однако, во внимание, что он был совершенно чужой среди этой толпы приверженцев г-на де Тревиля и его впервые видели здесь, к нему подошли узнать о цели его прихода. Д'Артаньян скромно назвал свое имя и, ссылаясь на то, что он земляк г-на де Тревиля, поручил слуге, подошедшему к нему с вопросом, исходатайствовать для него у г-на де Тревиля несколько минут аудиенции. Слуга покровительственным тоном обещал передать его просьбу в свое время.

Несколько оправившись от первоначального смущения, д'Артаньян мог теперь на досуге приглядеться к одежде и лицам окружающих.

Центром одной из самых оживленных групп был рослый мушкетер с высокомерным лицом и в необычном костюме, привлекавшем к нему общее внимание. На нем был не форменный мундир, ношение которого, впрочем, не считалось обязательным в те времена — времена меньшей свободы, но большей независимости, — а светло-голубой, порядочно выцветший и потертый камзол, поверх которого красовалась роскошная перевязь, шитая золотом и сверкавшая, словно солнечные

блики на воде в ясный полдень. Длинный плащ алого бархата изящно спал с его плеч, только спереди позволяя увидеть ослепительную перевязь, на которой висела огромных размеров шпага.

Этот мушкетер только что сменился с караула, жаловался на простуду и нарочно покашливал. Вот поэтому-то ему и пришлось накинуть плащ, как он пояснял, пренебрежительно роняя слова и покручивая ус, тогда как окружающие, и больше всех д'Артаньян, шумно восхищались шитой золотом перевязью.

— Ничего не поделаешь, — говорил мушкетер, — это входит в моду. Это расточительство, я и сам знаю, но модно. Впрочем, надо ведь куда-нибудь девать родительские денежки.

— Ах, Портос, — воскликнул один из присутствующих, — не старайся нас уверить, что этой перевязью ты обязан отцовским щедротам! Не преподнесла ли ее тебе дама под вуалью, с которой я встретил тебя в воскресенье около ворот Сент-Оноре?

— Нет, клянусь честью и даю слово дворянина, что я купил ее на собственные деньги, — ответил тот, кого называли Портосом.

— Да, — заметил один из мушкетеров, — купил точно так, как я вот этот новый кошелек: на те самые деньги, которые моя возлюбленная положила мне в старый.

— Нет, право же, — возразил Портос, — и я могу засвидетельствовать, что заплатил за нее двенадцать пистолей.

Восторженные возгласы усилились, но сомнение оставалось.

— Разве не правда, Арамис? — спросил Портос, обращаясь к другому мушкетеру.

Этот мушкетер был прямой противоположностью тому, который обратился к нему, назвав его Арамисом. Это был молодой человек лет двадцати двух или двадцати трех, с простодушным и несколько слащавым выражением лица, с черными глазами и румянцем на щеках, покрытых, словно персик осенью, бархатистым пушком. Тонкие усы безупречно правильной линией оттеняли верхнюю губу. Казалось, он избегал опустить руки из страха, что жилы на них могут вздуться. Время от времени он пощипывал мочки ушей, чтобы сохранить их нежную окраску и прозрачность. Говорил он мало и медленно, часто раскланивался, смеялся бесшумно, обнажая красивые зубы, за которыми, как и за всей своей внешностью, по-видимому, тщательно ухаживал. На вопрос своего друга он ответил утвердительным кивком.

Это подтверждение устранило, по-видимому, все сомнения насчет чудесной перевязи. Ею продолжали любоваться, но говорить о ней перестали, и разговор, постепенно перейдя на другие темы, изменился.

— Какого вы мнения о том, что рассказывает конюший господина де Шале? — спросил другой мушкетер, не обращаясь ни к кому в отдельности, а ко всем присутствующим одновременно.

— Что же он рассказывает? — с важностью спросил Портос.

— Он рассказывает, что в Брюсселе встретился с Рошфором, этим преданнейшим слугой кардинала. Рошфор был в одеянии капуцина, и, пользуясь таким маскарадом, этот проклятый Рошфор провел господина де Лета как последнего болвана.

— Как последнего болвана, — повторил Портос. — Но правда ли это?

— Я слышал об этом от Арамиса, — заявил мушкетер.

— В самом деле?

— Ведь вам это прекрасно известно, Портос, — произнес Арамис. — Я рассказывал вам об этом вчера. Не стоит к этому возвращаться.

— «Не стоит возвращаться!» — воскликнул Портос. — Вы так полагаете? «Не стоит возвращаться!» Черт возьми, как вы быстро решаете!.. Как! Кардинал выслеживает дворянина, он с помощью предателя, разбойника, висельника похищает у него письма и, пользуясь все тем же шпионом, на основании этих писем добывается казни Шале под нелепым предлогом, будто бы Шале собирался убить короля и женить герцога Орлеанского на королеве! Никто не мог найти ключа к этой загадке. Вы, к общему удовлетворению,

сообщаете нам вчера разгадку тайны и, когда мы еще не успели даже опомниться, объявляете нам сегодня: «Не стоит к этому возвращаться»!

— Ну что ж, вернемся к этому, раз вы так желаете, — терпеливо согласился Арамис.

— Будь я конюшим господина де Шале, — воскликнул Портос, — я бы проучил этого Рошфора!

— А вас проучил бы «Красный герцог», — спокойно заметил Арамис.

— «Красный герцог»... Bravo, bravo! «Красный герцог»!.. — закричал Портос, хлопая в ладоши и одобрительно кивая. — «Красный герцог» — это великолепно. Я постараюсь распространить эту остроту, будьте спокойны. Вот так остряк этот Арамис!.. Как жаль, что вы не имели возможности последовать своему призванию, дорогой мой! Какой очаровательный аббат получился бы из вас!

— О, это только временная отсрочка, — заметил Арамис. — Когда-нибудь я все же буду аббатом. Вы ведь знаете, Портос, что я в предвидении этого продолжаю изучать богословие.

— Он добьется своего, — сказал Портос. — Рано или поздно, но добьется.

— Скорее рано, — ответил Арамис.

— Он ждет только одного, чтобы снова облачиться в сутану, которая висит у него в шкафу позади одежды мушкетера! — воскликнул один из мушкетеров.

— Чего же он ждет? — спросил другой.

— Он ждет, чтобы королева подарила стране наследника.

— Незачем, господа, шутить по этому поводу, — заметил Портос. — Королева, слава богу, еще в таком возрасте, что это возможно.

— Говорят, что лорд Бекингэм во Франции!.. — воскликнул Арамис с лукавым смешком, который придавал этим как будто невинным словам некий двусмысленный оттенок.

— Арамис, друг мой, на этот раз вы неправы, — перебил его Портос, — и любовь к остротам заставляет вас перешагнуть известную границу. Если бы господин де Тревиль услышал, вам бы не поздоровилось за такие слова.

— Не собираетесь ли вы учить меня, Портос? — спросил Арамис, в кротком взгляде которого неожиданно сверкнула молния.

— Друг мой, — ответил Портос, — будьте мушкетером или аббатом, но не тем и другим одновременно. Вспомните, Атос на днях сказал вам: вы едите из всех кормушек... Нет-нет, прошу вас, не будем ссориться. Это ни к чему. Вам хорошо известно условие, заключенное между вами, Атосом и мною. Вы ведь бываете у госпожи д'Эгильон и ухаживаете за ней; вы бываете у госпожи де Буа-Траси, кухни госпожи де Шеврез, и, как говорят, состоите у этой дамы в большой милости. О господа, вам незачем признаваться в счастье, никто не требует от вас исповеди — кому неведома ваша скромность! Но раз уж вы, черт возьми, обладаете даром молчания, не забывайте о нем, когда речь идет о ее величестве. Пусть болтают что угодно и кто угодно о короле и кардинале, но королева священна, и если уж о ней говорят, то пусть говорят одно хорошее.

— Портос, вы самонадеянны, как Нарцисс, заметьте это, — произнес Арамис. — Вам ведь известно, что я не терплю поучений и готов выслушивать их только от Атоса. Что же касается вас, милейший, то ваша чрезмерно роскошная перевязь не внушает особого доверия к вашим благородным чувствам. Я стану аббатом, если сочту нужным. Пока что я мушкетер и как таковой говорю все, что мне вздумается. Сейчас мне вздумалось сказать вам, что вы мне надоели.

— Арамис!

— Портос!

— Господа!.. Господа!.. — послышалось со всех сторон.

— Господин де Тревиль ждет господина д'Артаньяна! — перебил их лакей, распахнув дверь кабинета.

Дверь кабинета, пока произносились эти слова, оставалась открытой, и все сразу умолкли. И среди этой тишины молодой гасконец пересек приемную и вошел к капитану мушкетеров, от души радуясь, что так своевременно избежал участия в развязке этой странной ссоры.

III АУДИЕНЦИЯ

Господин де Тревиль был в самом дурном расположении духа. Тем не менее он учтиво принял молодого человека, поклонившегося ему чуть ли не до земли, и с улыбкой выслушал его приветствия. Беарнский акцент юноши напомнил ему молодость и родные края — воспоминания, способные в любом возрасте порадовать человека. Но тут же, подойдя к дверям приемной и подняв руку как бы в знак того, что он просит разрешения у д'Артаньяна сначала покончить с остальными, а затем уже приступить к беседе с ним, он трижды крикнул, с каждым разом повышая голос так, что в нем прозвучала вся гамма интонаций — от повелительной до гневной:

— Атос! Портос! Арамис!

Оба мушкетера, с которыми мы уже успели познакомиться и которым принадлежали два последних имени, сразу же отделились от товарищей и вошли в кабинет, дверь которого захлопнулась за ними, как только они перешагнули порог. Их манера держаться, хотя они и не были вполне спокойны, своей непринужденностью, исполненной одновременно и достоинства и покорности, вызвала восхищение д'Артаньяна, видевшего в этих людях неких полубогов, а в их начальнике — Юпитера-Громовержца, готового разразиться громом и молнией.

Когда оба мушкетера вошли и дверь за ними закрылась, когда гул разговоров в приемной, которым вызов мушкетеров послужил, вероятно, новой пищей, опять усилился, когда, наконец, г-н де Тревиль, хмурия брови, три или четыре раза прошелся молча по кабинету мимо Портоса и Арамиса, ко-

торые стояли безмолвно, вытянувшись словно на смотру, он внезапно остановился против них и, окинув их с ног до головы гневным взором, произнес:

— Известно ли вам, господа, что мне сказал король, и не далее как вчера вечером? Известно ли вам это?

— Нет, — после короткого молчания ответствовали оба мушкетера. — Нет, сударь, нам ничего не известно.

— Но мы надеемся, что вы окажете нам честь сообщить об этом, — добавил Арамис в высшей степени учтиво и отвесил изящный поклон.

— Он сказал мне, что впредь будет подбирать себе мушкетеров из гвардейцев господина кардинала.

— Из гвардейцев господина кардинала? Как это так? — воскликнул Портос.

— Он пришел к заключению, что его кисленькое винцо требует подбавки доброго вина.

Оба мушкетера вспыхнули до ушей. Д'Артаньян не знал, куда ему деваться, и готов был провалиться сквозь землю.

— Да, да! — продолжал г-н де Тревиль, все более горячась. — И его величество совершенно прав, ибо, клянусь честью, господа мушкетеры играют жалкую роль при дворе! Господин кардинал вчера вечером за игрой в шахматы соболезнующим тоном, который очень задел меня, принялся рассказывать, что эти проклятые мушкетеры, эти головорезы — он произносил эти слова с особой насмешкой, которая понравилась мне еще меньше, — эти рубрики, добавил он, поглядывая на меня своими глазами дикой кошки, задержались позже разрешенного часа в кабачке на улице Феру. Его гвардейцы, совершавшие обход, — казалось, он расхохочется мне в лицо, — были принуждены задержать этих нарушителей ночного покоя. Тысяча чертей! Вы знаете, что это значит? Арестовать мушкетеров! Вы были в этой компании... да, вы, не отпирайтесь, вас опознали, и кардинал назвал ваши имена. Я виноват, я сам виноват, ведь я сам подбираю себе людей. Вот хотя бы вы, Арамис: зачем вы выпросили у меня мушкетерский камзол, когда вам так к лицу была сутана? Ну а вы, Портос... вам такая роскошная золотая перевязь нужна, должно быть, чтобы повесить на ней соломенную шпагу? А Атос... Я не вижу Атоса. Где он?

— Сударь, — с грустью произнес Арамис, — он болен, очень болен.

— Болен? Очень болен, говорите вы? А чем он болен?

— Опасаются, что у него оспа, сударь, — сказал Портос, стремясь вставить и свое слово. — Весьма печальная история: эта болезнь может изуродовать его лицо.

— Оспа?... Вот так славную историю вы тут рассказываете, Портос! Болеть оспой в его возрасте! Нет, нет!.. Он, должно быть, ранен... или убит... Ах, если б я мог знать!.. Тысяча чертей! Господа мушкетеры, я не желаю, чтобы мои люди шатались по подозрительным местам, затевали ссоры на улицах и пускали в ход шпаги в темных закоулках! Я не желаю, в конце концов, чтобы мои люди служили посмешищем для гвардейцев господина кардинала! Эти гвардейцы — спокойные ребята, порядочные, ловкие. Их не за что арестовывать, да, кроме того, они и не дали бы себя арестовать. Я в этом уверен!

Они предпочли бы умереть на месте, чем отступить хоть на шаг. Спасаться, бежать, удирать — на это способны только королевские мушкетеры!

Портос и Арамис дрожали от ярости. Они готовы были бы задушить г-на де Тревиля, если бы в глубине души не чувствовали, что только горячая лю-

бовь к ним заставляет его так говорить. Они постукивали каблуками о ковер, до крови кусали губы и изо всех сил сжимали эфесы шпаг.

В приемной слышали, что вызывали Атоса, Портоса и Арамиса, и по голосу г-на де Тревиля угадали, что он сильно разгневан. Десяток голов, терзаемых любопытством, прижались к двери в стремлении не упустить ни слова, и лица бледнели от ярости, тогда как уши, прильнувшие к скважине, не упускали ни звука, а уста повторяли одно за другим оскорбительные слова капита-

на, делая их достоянием всех присутствующих. В одно мгновение весь дом, от дверей кабинета и до самого подъезда, превратился в кипящий котел.

— Вот как! Королевские мушкетеры позволяют гвардейцам кардинала себя арестовывать! — продолжал г-н де Тревиль, в глубине души не менее разъяренный, чем его солдаты, отчеканивая слова и, словно удары кинжала, вонзая их в грудь своих слушателей. — Вот как! Шесть гвардейцев кардинала арестовывают шестерых мушкетеров его величества! Тысяча чертей! Я принял решение. Прямо отсюда я отправляюсь в Лувр и подаю в отставку, отказываюсь от звания капитана мушкетеров короля и прошу назначить меня лейтенантом гвардейцев кардинала. А если мне откажут, тысяча чертей, я сделаюсь аббатом!

При этих словах ропот за стеной превратился в бурю. Всюду раздавались проклятия и богохульства. Возгласы: «Тысяча чертей!», «Бог и все его ангелы!», «Смерть и преисподняя!» — повисли в воздухе. Д'Артаньян глазами искал, нет ли какой-нибудь портьеры, за которой он мог бы укрыться, и ощущал непреодолимое желание забраться под стол.

— Так вот, господин капитан! — воскликнул Портос, потеряв всякое самообладание. — Нас действительно было шестеро против шестерых, но на нас напали из-за угла, и раньше чем мы успели обнажить шпаги, двое из нас были убиты наповал, а Атос так тяжело ранен, что не многим отличался от убитых, дважды он пытался подняться и дважды валился на землю. Тем не менее мы не сдались. Нет! Нас уволокли силой. По пути мы скрылись. Что касается Атоса, то его сочли мертвым и оставили спокойно лежать на поле битвы, полагая, что с ним не стоит возиться. Вот как было дело. Черт возьми, капитан! Не всякий бой можно выиграть. Великий Помпей проиграл Фарсальскую битву, а король Франциск Первый, который, как я слышал, кое-чего стоил, — бой при Павии.

— И я имею честь доложить, — сказал Арамис, — что одного из нападавших я заколол его собственной шпагой, так как моя шпага сломалась после первого же выпада. Убил или заколол — как вам будет угодно, сударь.

— Я не знал этого, — произнес г-н де Тревиль, несколько смягчившись. — Господин кардинал, как я вижу, кое-что преувеличил.

— Но молю вас, сударь... — продолжал Арамис, видя, что де Тревиль смягчился, и уже осмеливаясь обратиться к нему с просьбой, — молю вас, сударь, не говорите никому, что Атос ранен! Он был бы в отчаянии, если бы это стало известно королю. А так как рана очень тяжелая — пронзив плечо, лезвие проникло в грудь, — можно опасаться...

В эту минуту край портьеры приподнялся, и на пороге показался мушкетер с благородным и красивым, но смертельно бледным лицом.

— Атос! — вскрикнули оба мушкетера.

— Атос! — повторил за ними де Тревиль.

— Вы звали меня, господин капитан, — сказал Атос, обращаясь к де Тревилю. Голос его звучал слабо, но совершенно спокойно. — Вы звали меня, как сообщили мне товарищи, и я поспешил явиться. Жду ваших приказаний, сударь!

И с этими словами мушкетер, безукоризненно одетый и, как всегда, подтянутый, твердой поступью вошел в кабинет. Де Тревиль, до глубины души тронутый таким проявлением мужества, бросился к нему.

— Я только что говорил этим господам, — сказал де Тревиль, — что запрещаю моим мушкетерам без надобности рисковать жизнью. Храбрецы дороги королю, а королю известно, что мушкетеры — самые храбрые люди на земле. Вашу руку, Атос!

И, не дожидаясь, чтобы вошедший ответил на это проявление дружеских чувств, де Тревиль схватил правую руку Атоса и сжал ее изо

всех сил, не замечая, что Атос при всем своем самообладании вздрогнул от боли и сделался еще бледнее, хоть это и казалось невозможным.

Дверь оставалась полуоткрытой. Появление Атоса, о ране которого, не смотря на тайну, окружавшую все это дело, большинство было известно, поразило всех. Последние слова капитана были встречены гулом удовлетворения, и две или три головы в порыве восторга просунулись между портьерами. Де Тревиль, надо полагать, не преминул бы резким замечанием покарать нарушителей этикета, но вдруг почувствовал, как рука Атоса судорожно дернулась в его руке, и, переведя взгляд на мушкетера, увидел, что тот теряет сознание. В то же мгновение Атос, собравший все силы, чтобы преодолеть боль, и все же сраженный ею, рухнул на пол как мертвый.

— Лекаря! — закричал г-н де Тревиль. — Моего или королевского, самого лучшего! Лекаря, или, тысяча чертей, мой храбрый Атос умрет!

На крик де Тревиля все собравшиеся в приемной хлынули к нему в кабинет, дверь которого он забыл закрыть. Все суетились вокруг раненого. Но все старания были бы напрасны, если б лекарь не оказался в самом доме. Расталкивая толпу, он приблизился к Атосу, который все еще лежал без сознания, и, так как шум и суeta мешали ему, он прежде всего потребовал, чтобы больного перенесли в соседнюю комнату. Г-н де Тревиль поспешно распахнул дверь и сам прошел вперед, указывая путь Портосу и Арамису, которые на руках вынесли своего друга. За ними следовал лекарь, и за лекарем дверь затворилась.

И тогда кабинет г-на де Тревиля, всегда вызывавший трепет у входивших, мгновенно превратился в отделение приемной. Все болтали, разглагольствовали, не понижая голоса, сыпали проклятиями и, не боясь сильных выражений, посылали кардинала и его гвардейцев ко всем чертям.

Немного погодя вернулись Портос и Арамис. Подле раненого остались только де Тревиль и лекарь.

Наконец возвратился и г-н де Тревиль. Раненый, по его словам, пришел в сознание. Врач считал, что его положение не должно внушать друзьям никаких опасений, так как слабость вызвана только большой потерей крови.

Затем г-н де Тревиль сделал знак рукой, и все удалились, за исключением д'Артаньяна, который, со свойственной гасконцу настойчивостью, остался на месте, не забывая, что ему назначена аудиенция. Когда все вышли и дверь закрылась, де Тревиль обернулся и оказался лицом к лицу с молодым человеком. Происшедшие события прервали нить его мыслей. Он осведомился о том, чего от него желает настойчивый проситель. Д'Артаньян назвал, сразу пробудив в памяти де Тревиля и прошлое и настоящее.

— Простите, любезный земляк, — произнес он с улыбкой, — я совершенно забыл о вас. Что вы хотите? Капитан — это тот же отец семейства, только отвечать он должен за большее, чем обыкновенный отец. Солдаты — взрослые дети, но так как я требую, чтобы распоряжения короля и особенно господина кардинала выполнялись...

Д'Артаньян не мог скрыть улыбку. Эта улыбка показала г-ну де Тревилю, что перед ним отнюдь не глупец, и он сразу перешел к делу.

— Я очень любил вашего отца, — сказал он. — Чем я могу быть полезен его сыну? Говорите скорее, время у меня уже на исходе.

— Сударь, — произнес д'Артаньян, — уезжая из Тарба в Париж, я надеялся в память той дружбы, о которой вы не забыли, просить у вас плащ мушкетера. Но после всего виденного мною за эти два часа я понял, что эта милость была бы столь огромна, что я боюсь оказаться недостойным ее.

— Это действительно милость, молодой человек, — ответил г-н де Тревиль. — Но для вас она, может быть, не так недоступна, как вы думаете или делаете вид, что думаете. Впрочем, одно из распоряжений его величества предусматривает подобный случай, и я вынужден, к сожалению, сообщить вам, что никого не зачислят в мушкетеры, пока он не испытан в нескольких сражениях, не совершил каких-нибудь блестящих подвигов или не прослужил два года в другом полку, поскромнее, чем наш.

д'Артаньян молча поклонился. Он еще более жаждал надеть форму мушкетера, с тех пор как узнал, насколько трудно достичь желаемого.

— Но... — продолжал де Тревиль, вперив в своего земляка такой пронзительный взгляд, словно он желал проникнуть в самую глубину его сердца, — но из уважения к вашему отцу, моему старому другу, как я вам уже говорил, я все же хочу что-нибудь сделать для вас, молодой человек. Наши беарнские юноши редко бывают богаты, и я не думаю, чтобы положение сильно изменилось с тех пор, как я покинул родные края. Полагаю, что денег, привезенных вами, вряд ли хватит на жизнь...

д'Артаньян гордо выпрямился, всем своим видом давая понять, что он ни у кого не просит милостыни.

— Полно, полно, молодой человек, — продолжал де Тревиль, — мне эти повадки знакомы. Я приехал в Париж с четырьмя экю в кармане и вызвал бы на дуэль любого, кто осмелился бы сказать мне, что я не в состоянии купить Лувр.

д'Артаньян еще выше поднял голову. Благодаря продаже коня он начал свою карьеру, имея на четыре экю больше, чем имел на первых порах де Тревиль.

— Итак, — продолжал капитан, — вам необходимо сохранить привезенное, как бы значительна ни была эта сумма. Но вам также следует усовершенствоваться в искусстве владеть оружием — это необходимо дворянину. Я сегодня же напишу письмо начальнику Королевской академии, и с завтрашнего дня он примет вас, не требуя никакой платы. Не отказывайтесь от этого. Наши молодые дворяне, даже самые знатные и богатые, часто тщетно добиваются приема туда. Вы научитесь верховой езде, фехтованию, танцам. Вы завяжете полезные знакомства, а время от времени будете являться ко мне, докладывать, как у вас идут дела и чем я могу помочь вам.

Как ни чужды были д'Артаньяну придворные уловки, он все же почувствовал холодок, которым веяло от этого приема.

— Увы! — воскликнул он. — Я вижу, как недостает мне сейчас письма с рекомендацией, данного мне отцом.

— Действительно, — ответил де Тревиль, — я удивлен, что вы пустились в столь дальний путь без этого единственного волшебного ключа, столь необходимого нашему брату беарнцу.

— Письмо было у меня, сударь, и, слава богу, написанное как полагается! — воскликнул д'Артаньян. — Но у меня коварно похитили его!

И он рассказал обо всем, что произошло в Менге, описал незнакомого дворянина во всех подробностях, причем речь его дышала жаром и искренностью, которые очаровали де Тревиля.

— Странная история... — задумчиво произнес капитан мушкетеров. — Вы, значит, громко называли мое имя?

— Да, конечно. Я был так неосторожен. Но что вы хотите! Такое имя, как ваше, должно было служить мне в пути щитом. Судите сами, как часто я прикрывался им.

Лесть была в те дни в моде, и де Тревиль был так же чувствителен к фимиаму, как любой король или кардинал. Он не мог поэтому удержаться от выражавшей удовольствие улыбки, но улыбка быстро угасла.

— Скажите мне... — начал он, сам возвращаясь к происшествию в Менге, — скажите, не было ли у этого дворянина легкого рубца на виске?

— Да, как бы ссадина от пули.

— Это был видный мужчина?

— Да.

— Высокого роста?

— Да.

— Бледный, с темными волосами?

— Да-да, именно такой. Каким образом, сударь, вы знаете этого человека? Ах, если когда-нибудь я разыщу его, — а клянусь вам, я разыщу его хоть в аду...

— Он ожидал женщину? — перебил его де Тревиль.

— Уехал он, во всяком случае, только после того, как обменялся несколькими словами с той, которую поджидал.

— Вы не знаете, о чем они говорили?

— Вручив ей ларец, он сказал, что в нем она найдет его распоряжения, и предложил ей вскрыть ларец только в Лондоне.

— Эта женщина была англичанка?

— Он называл ее миледи.

— Это он! — прошептал де Тревиль. — Это он! А я полагал, что он еще в Брюсселе.

— О сударь, — воскликнул д'Артаньян, — скажите мне, кто он и откуда, и я не буду просить вас ни о чем, даже о зачислении в мушкетеры! Ибо прежде всего я должен рассчитаться с ним.

— Упаси вас Бог от этого, молодой человек! — воскликнул де Тревиль. — Если вы встретите его на улице, спешите перейти на другую сторону. Не наткнитесь на эту скалу: вы разобьетесь, как стекло.

— И все-таки, — произнес д'Артаньян, — если только я его встречу...

— Пока, во всяком случае, не советую вам разыскивать его, — сказал де Тревиль.

Внезапно де Тревиль умолк, пораженный одним подозрением. Страстная ненависть, которую юноша выражал по отношению к человеку, якобы похитившему у него отцовское письмо... Кто знает, не скрывался ли за этой ненавистью какой-нибудь коварный замысел? Не подослан ли этот молодой человек его высокопреосвященством? Не явился ли он с целью заманить его, де Тревиля, в ловушку? Этот человек, называющий себя д'Артаньяном, — не был ли он шпионом, которого пытаются ввести к нему в дом, чтобы он завоевал его доверие, а затем погубил его, как это бывало с другими? Он еще внимательнее, чем раньше, поглядел на д'Артаньяна. Вид этого подвижного лица, выражавшего ум, лукавство и притворную скромность, не слишком его успокоил.

«Я знаю, правда, что он гасконец, — подумал де Тревиль. — Но он с таким же успехом может применить свои способности на пользу кардиналу, как и мне. Испытаю его...»

— Друг мой, — проговорил он медленно, — перед сыном моего старого друга — ибо я принимаю на веру всю эту историю с письмом, — перед сыном моего друга я хочу искупить холодность, которую вы сразу ощутили в моем приеме, и раскрою перед вами тайны нашей политики. Король и кардинал — наилучшие друзья. Мнимые трения между ними служат лишь для того, чтобы обмануть глупцов. Я не допущу, чтобы мой земляк, красивый юноша, славный малый, созданный для успеха, стал жертвой этих фокусов и попал впросак, как многие другие, сломавшие себе на этом голову. Запомните, что я предан этим двум всемогущим господам и что каждый мой шаг имеет целью служить королю и господину кардиналу, одному из самых выдающихся умов, которые когда-либо создавала Франция. Отныне, молодой человек, примите это к сведению, и если, в силу ли семейных или дружеских связей, или подчиняясь голосу страстей, вы питаете к кардиналу враждебные чувства, подобные тем, которые нередко прорываются у иных дворян, — распрощаемся с вами. Я приду вам на помощь при любых обстоятельствах, но не приближу вас к себе. Надеюсь, во всяком случае, что моя откровенность сделает вас моим другом, ибо вы единственный молодой человек, с которым я когда-либо так говорил.

«Если кардинал подослал ко мне эту лису, — думал де Тревиль, — то, зная, как я его ненавижу, наверняка внушил своему шпиону, что лучший способ вкрасться ко мне в доверие — это наговорить про него черт знает что. И, конечно, этот хитрец, несмотря на мои заверения, сейчас станет убеждать меня, что питает отвращение к его высокопреосвященству».

Но все произошло совсем по-иному — не так, как ожидал де Тревиль. Д'Артаньян ответил с совершенной прямоотой.

— Сударь, — произнес он просто, — я прибыл в Париж именно с такими намерениями. Отец мой советовал мне не покоряться никому, кроме короля, господина кардинала и вас, которых он считает первыми людьми во Франции.

Д'Артаньян, как можно заметить, присоединил имя де Тревиля к двум первым. Но это добавление, по его мнению, не могло испортить дело.

— Поэтому, — продолжал он, — я глубоко чту господина кардинала и преклоняюсь перед его действиями... Тем лучше для меня, если вы, как изволи-

те говорить, вполне откровенно со мной. Значит, вы оказали мне честь, заметив сходство в наших взглядах. Но, если вы отнеслись ко мне с некоторым недоверием — а это было бы вполне естественно, — тогда, разумеется, я гублю себя этими словами в ваших глазах. Но все равно вы оцените мою прямоту, а ваше доброе мнение обо мне дороже всего на свете.

Де Тревиль был поражен. Такая пронизательность, такая искренность вызывали восхищение, но все же полностью не устраняли сомнений. Чем больше выказывалось превосходство этого молодого человека перед другими молодыми людьми, тем больше было оснований остерегаться его, если де Тревиль ошибался в нем.

— Вы честный человек, — сказал он, пожимая д'Артаньяну руку, — но сейчас я могу сделать для вас только то, что предложил. Двери моего дома

всегда будут для вас открыты. Позже, имея возможность являться ко мне в любое время, а следовательно, и уловить благоприятный случай, вы, вероятно, достигнете того, к чему стремитесь.

— Другими словами, сударь, — проговорил д'Артаньян, — вы ждете, чтобы я оказался достоин этой чести. Ну что ж, — добавил он с непринужденностью, свойственной гасконцу, — вам недолго придется ждать.

И он поклонился, собираясь удалиться, словно остальное касалось уже только его одного.

— Да погодите же, — сказал де Тревиль, останавливая его. — Я обещал вам письмо к начальнику академии. Или вы чересчур горды, молодой человек, чтобы принять его от меня?

— Нет, сударь, — возразил д'Артаньян. — И я отвечаю перед вами за то, что его не постигнет такая судьба, как письмо моего отца. Я так бережно буду хранить его, что оно, клянусь вам, дойдет по назначению, и горе тому, кто попытается похитить его у меня!

Это бахвальство вызвало на устах де Тревиля улыбку. Оставив молодого человека в амбразуре окна, где они только что беседовали, он уселся за стол, чтобы написать обещанное письмо. Д'Артаньян в это время, ничем не занятый, выбивал по стеклу какой-то марш, наблюдая за мушкетерами, которые один за другим покидали дом, и провожая их взглядом до самого поворота улицы.

Господин де Тревиль, написав письмо, запечатал его, встал и направился к молодому человеку, чтобы вручить ему конверт. Но в то самое мгновение, когда д'Артаньян протянул руку за письмом, де Тревиль с удивлением увидел, как юноша внезапно вздрогнул и, вспыхнув от гнева, бросился из кабинета с яростным криком:

— Нет, тысяча чертей! На этот раз ты от меня не уйдешь!

— Кто? Кто? — спросил де Тревиль.

— Он, похититель! — ответил на ходу д'Артаньян. — Ах, негодяй! — И с этими словами он исчез за дверью.

— Сумасшедший! — пробормотал де Тревиль. — Если только... — медленно добавил он, — это не уловка, чтобы удрать, раз он понял, что подвох не удался.

IV ПЛЕЧО АТОСА, ПЕРЕВЯЗЬ ПОРТОСА И ПЛАТОК АРАМИСА

Д'Артаньян как бешеный в три скачка промчался через приемную и выбежал на площадку лестницы, по которой собирался спуститься опростелью, как вдруг с разбегу столкнулся с мушкетером, выходящим от г-на де Тревиля через боковую дверь. Мушкетер закричал или, вернее, взвыл от боли.

— Простите меня... — произнес д'Артаньян, намереваясь продолжать свой путь, — простите меня, но я спешу.

Не успел он спуститься до следующей площадки, как железная рука ухватила его за перевязь и остановила на ходу.

— Вы спешите, — воскликнул мушкетер, побледневший как мертвец, — и под этим предлогом наскakиваете на меня, говорите «простите» и считаете дело исчерпанным? Не совсем так, молодой человек. Не вообразили ли вы, что если господин де Тревиль сегодня резко говорил с нами, то это дает вам право обращаться с нами пренебрежительно? Ошибаетесь, молодой человек. Вы не господин де Тревиль.

— Поверьте мне... — отвечал д'Артаньян, узнав Атоса, возвращавшегося к себе после перевязки, — поверьте мне, я сделал это нечаянно, и, сделав это нечаянно, я сказал: «Простите меня». По-моему, этого достаточно. А сейчас я повторяю вам — и это, пожалуй, лишнее, — что я спешу, очень спешу. Поэтому прошу вас: отпустите меня, не задерживайте.

— Сударь, — сказал Атос, выпуская из рук перевязь, — вы невежа. Сразу видно, что вы приехали издалека.

Д'Артаньян уже успел шагнуть вниз через три ступеньки, но слова Атоса заставили его остановиться.

— Тысяча чертей, сударь! — проговорил он. —

Хоть я и приехал издалека, но не вам учить меня хорошим манерам, предупреждаю вас.

— Кто знает! — сказал Атос.

— Ах, если б я не так спешил, — воскликнул д'Артаньян, — и если б я не гнался за одним человеком...

— Так вот, господин Торопыга, меня вы найдете, не гоняясь за мной, слышите?

— Где именно, не угодно ли сказать?

— Подле монастыря Дешо.

— В котором часу?

- Около двенадцати.
- Около двенадцати? Хорошо, буду на месте.
- Постарайтесь не заставить меня ждать. В четверть первого я вам уши на ходу отрежу.

— Хорошо, — крикнул д'Артаньян, — явлюсь без десяти двенадцать!

И он пустился бежать как одержимый, все еще надеясь догнать незнакомца, который не мог отойти особенно далеко, так как двигался не спеша.

Но у ворот он увидел Портоса, беседовавшего с караульным. Между обоими собеседниками оставалось свободное пространство, через которое мог проскользнуть один человек. Д'Артаньяну показалось, что этого пространства достаточно, и он бросился напрямик, надеясь как стрела пронестись между ними. Но д'Артаньян не принял в расчет ветра. В тот миг, когда он собирался проскользнуть между разговаривавшими, ветер раздул длинный плащ

Портоса, и д'Артаньян запутался в его складках. У Портоса, по-видимому, были веские причины не расставаться с этой важной частью своего одеяния, и, вместо того чтобы выпустить из рук полу, которую он придерживал, он потянул ее к себе, так что д'Артаньян, по ви-

не упрямого Портоса проделав какое-то вращательное движение, оказался совершенно закутанным в бархат плаща.

Слыша проклятия, которыми осыпал его мушкетер, д'Артаньян, как слепой, ощупывал складки, пытаясь выбраться из-под плаща. Он больше всего опасался как-нибудь повредить роскошную перевязь, о которой мы уже рассказывали. Но, робко приоткрыв глаза, он увидел, что нос его упирается

в спину Портоса, как раз между лопатками, другими словами — в самую перевязь.

Увы, как и многое на этом свете, что блестит только снаружи, перевязь Портоса сверкала золотым шитьем лишь спереди, а сзади была из простой буйволово́й кожи. Портос, как истый хвастун, не имея возможности приобрести перевязь, целиком шитую золотом, приобрел перевязь, шитую золотом хотя бы лишь спереди. Отсюда и выдуманная простуда и необходимость плаща.

— Дьявол! — завопил Портос, делая невероятные усилия, чтобы освободиться от д'Артаньяна, который копошился у него за спиной. — С ума вы спятили, что бросаетесь на людей?

— Простите, — проговорил д'Артаньян, выглядывая из-под локтя гиганта, — но я очень спешу. Я гонюсь за одним человеком...

— Глаза вы, что ли, забываете дома, когда гонитесь за кем-нибудь? — орал Портос.

— Нет... — с обидой произнес д'Артаньян, — нет, и мои глаза позволяют мне даже видеть то, чего не видят другие.

Понял ли Портос или не понял, но он дал полную волю своему гневу.

— Сударь, — прорычал он, — предупреждаю вас: если вы будете задевать мушкетеров, дело для вас кончится трепкой!

— Трепкой? — переспросил д'Артаньян. — Не сильно ли сказано?

— Сказано человеком, привыкшим смотреть в лицо своим врагам.

— Еще бы! Мне хорошо известно, что тыл вы не покажете никому.

И юноша, в восторге от своей озорной шутки, двинулся дальше, хохоча во все горло.

Портос в дикой ярости сделал движение, намереваясь броситься на обидчика.

— Потом, потом! — крикнул ему д'Артаньян. — Когда на вас не будет плаща!

— Значит, в час, позади Люксембургского дворца!

— Прекрасно, в час! — ответил д'Артаньян, заворачивая за угол.

Но ни на улице, по которой он пробежал, ни на той, которую он мог теперь охватить взглядом, не видно было ни души. Как ни медленно двигался незнакомец, он успел скрыться из виду или зайти в какой-нибудь дом. Д'Артаньян расспрашивал о нем всех встречных, спустился до перевоза, вернулся по улице Сены, прошел по улице Алого Креста. Ничего, ровно ничего! Все же эта погоня принесла ему пользу: по мере того как пот выступал у него на лбу, сердце его остывало.

Он углубился в размышления о происшедших событиях. Их было много, и все они оказались неблагоприятными. Было всего одиннадцать часов утра, а это утро успело уже принести ему немилость де Тревиля, который не мог не счесть проявлением дерзости неожиданный уход д'Артаньяна.

Кроме того, он нарвался на два поединка с людьми, способными убить трех д'Артаньянов каждый, — одним словом, с двумя мушкетерами, то есть с

существами, перед которыми он благоговел так глубоко, что в сердце своем ставил их выше всех людей.

Положение было невеселое. Убежденный, что будет убит Атосом, он, вполне понятно, не очень-то беспокоился о поединке с Портосом. Все же, поскольку надежда есть последнее, что угасает в душе человека, он стал надеяться, что, хотя и получит страшные раны, все же останется жив, и на этот случай, в расчете на будущую жизнь, уже бранил себя за свои ошибки:

«Какой я безмозглый грубиян! Этот несчастный и храбрый Атос был ранен именно в плечо, на которое я, как баран, налетел головой. Приходится только удивляться, что он не прикончил меня на месте — он вправе был это сделать: боль, которую я причинил ему, была, наверное, ужасна. Что же касается Портоса... о, что касается Портоса, — ей-богу, тут дело забавнее!..»

И молодой человек вопреки своим мрачным мыслям не мог удержаться от смеха, поглядывая все же при этом по сторонам — не покажется ли такой беспричинный одинокий смех кому-нибудь обидным.

«Что касается Портоса, то тут дело забавнее, но я все же глупец. Разве можно так наскакивать на людей — подумать только! — и заглядывать им под плащ, чтобы увидеть то, чего там нет! Он бы простил меня... конечно, простил, если б я не пристал к нему с этой проклятой перевязью. Я, правда, только намекнул, но как ловко намекнул! Ах! Чертов я гасконец — буду остричь даже в аду на сковороде... Друг ты мой д'Артаньян, — продолжал он, обращаясь к самому себе с вполне понятным дружелюбием, — если ты уцелеешь, что маловероятно, нужно впредь быть образцово учтивым. Отныне все должны восхищаться тобой и ставить тебя в пример. Быть вежливым и предупредительным не значит еще быть трусом. Погляди только на Арамиса! Арамис — сама кротость, олицетворенное изящество. А разве может прийти кому-нибудь в голову назвать Арамиса трусом? Разумеется, нет! И отныне я во всем буду брать пример с него... Ах, вот как раз и он сам!»

Д'Артаньян, все время продолжая разговаривать с самим собой, поравнялся с особняком д'Эгильона и тут увидел Арамиса, который, остановившись перед самым домом, беседовал с двумя королевскими гвардейцами. Арамис, со своей стороны, заметил д'Артаньяна. Он не забыл, что г-н де Тревиль в присутствии этого юноши так жестоко вспылил сегодня утром. Человек, имевший возможность слышать, какими упреками осыпали мушкетеров, был ему неприятен, и Арамис сделал вид, что не замечает его. Д'Артаньян между тем весь во власти своих планов — стать образцом учтивости и вежливости, приблизился к молодым людям и отвесил им изысканнейший поклон, сопровождаемый самой приветливой улыбкой. Арамис слегка поклонился, но без улыбки. Все трое при этом сразу прервали разговор.

Д'Артаньян был не так глуп, чтобы не заметить, что он лишний. Но он не был еще достаточно искушен в приемах высшего света, чтобы найти выход из неудобного положения, в каком оказывается человек, подошедший к лю-

дям, мало ему знакомым, и вмешавшийся в разговор, его не касающийся. Он тщетно искал способа, не теряя достоинства, убраться отсюда, как вдруг заметил, что Арамис уронил платок и, должно быть по рассеянности, наступил на него ногой. Д'Артаньяну показалось, что он нашел случай загладить свою неловкость. Наклонившись, он с самым любезным видом вытащил

платок из-под ноги мушкетера, как крепко тот ни наступал на него.

— Вот ваш платок, сударь, — произнес он с чрезвычайной учтивостью, — вам, вероятно, жаль было бы его потерять.

Платок был действительно покрыт богатой вышивкой, и в одном углу его выделялись корона и герб. Арамис густо покраснел и скорее выхватил, чем взял платок из рук гасконца.

— Так, так, — воскликнул один из гвардейцев, — теперь наш скрытный Арамис не станет уверять, что у него дурные отношения с госпожой де Буа-Траси, раз эта милая дама была столь любезна, что одолжила ему свой платок!

Арамис бросил на д'Артаньяна один из тех взглядов, которые ясно дают понять человеку, что он нажил себе смертельного врага, но тут же перешел к обычному для него слащавому тону.

— Вы ошибаетесь, господа, — произнес он. — Платок этот вовсе не принадлежит мне, и я не знаю, почему этому господину взбрело на ум подать его именно мне, а не любому из вас. Лучшим подтверждением моих слов может служить то, что мой платок у меня в кармане.

С этими словами он вытащил из кармана свой собственный платок, также очень изящный и из тончайшего батиста, — а батист в те годы стоил очень дорого, — но без всякой вышивки и герба, а лишь помеченный монограммой владельца.

На этот раз д'Артаньян промолчал: он понял свою ошибку. Но приятели Арамиса не дали себя убедить, несмотря на все его уверения. Один из них с деланой серьезностью обратился к мушкетеру.

— Если дело обстоит так, как ты говоришь, дорогой мой Арамис, — сказал он, — я вынужден буду потребовать от тебя этот платок. Как тебе известно, Буа-Траси — мой близкий друг, и я не желаю, чтобы кто-либо хвастал вещами, принадлежащими его супруге.

— Ты не так просишь об этом, — ответил Арамис. — И, признавая справедливость твоего требования, я все же откажу тебе из-за формы, в которую оно облечено.

— В самом деле, — робко заметил д'Артаньян, — я не видел, чтобы платок выпал из кармана господина Арамиса. Господин Арамис наступил на него ногой — вот я и подумал, что платок принадлежит ему.

— И ошиблись, — холодно произнес Арамис, словно не замечая желаний д'Артаньяна загладить свою вину. — Кстати, — продолжал Арамис, обращаясь к гвардейцу, сославшемуся на свою дружбу с Буа-Траси, — я вспомнил, дорогой мой, что связан с графом де Буа-Траси не менее нежной дружбой, чем ты, близкий его друг, так что... платок с таким же успехом мог выпасть из твоего кармана, как из моего.

— Нет, клянусь честью! — воскликнул гвардеец его величества.

— Ты будешь клясться честью, а я — ручаться честным словом, и один из нас при этом, очевидно, будет лжецом. Знаешь что, Монтаран? Давай лучше поделим его.

— Платок?

— Да.

— Великолепно! — закричали оба приятеля-гвардейца. — Соломонов суд! Арамис, ты в самом деле воплощенная мудрость!

Молодые люди расхохотались, и все дело, как ясно всякому, на том и кончилось. Через несколько минут разговор оборвался, и собеседники растались, сердечно пожав друг другу руки. Гвардейцы зашагали в одну сторону, Арамис — в другую.

«Вот подходящее время, чтобы помириться с этим благородным человеком», — подумал д'Артаньян, который в продолжение всего этого разговора стоял в стороне. И, подчиняясь доброму порыву, он поспешил догнать мушкетера, который шел, не обращая больше на него внимания.

— Сударь, — произнес д'Артаньян, нагоняя мушкетера, — надеюсь, вы извините меня...

— Милостивый государь, — прервал его Арамис, — разрешите вам заметить, что в этом деле вы поступили не так, как подобало бы благородному человеку.

— Как, милостивый государь! — воскликнул д'Артаньян. — Вы можете предположить...

— Я предполагаю, сударь, что вы не глупец и вам, хоть вы и прибыли из Гаскони, должно быть известно, что без причины не наступают ногой на носовой платок. Париж, черт возьми, не вымощен батистовыми платочками.

— Сударь, вы напрасно стараетесь меня унижить, — произнес д'Артаньян, в котором задорный нрав начинал уже брать верх над мирными намерениями. — Я действительно прибыл из Гаскони, и, поскольку это вам известно, мне незачем вам напоминать, что гасконцы не слишком терпеливы. Так что, раз извинившись хотя бы за сделанную ими глупость, они бывают убеждены, что сделали вдвое больше положенного.

— Сударь, я сказал это вовсе не из желания искать с вами ссоры. Я, слава богу, не забияка какой-нибудь, и мушкетер я лишь временно. Дерусь я, только когда бываю вынужден, и всегда с большой неохотой. Но на этот раз дело нешуточное, тут речь о даме, которую вы скомпрометировали.

— Мы скомпрометировали! — воскликнул д'Артаньян.

— Как могли вы подать мне этот платок?

— Как могли вы обронить этот платок?

— Я уже сказал, сударь, и повторяю, что платок этот выпал не из моего кармана.

— Значит, сударь, вы солгали дважды, ибо я сам видел, как он выпал именно из вашего кармана.

— Ах, вот как вы позволяете себе разговаривать, господин гасконец! Я научу вас вести себя!

— А я отправлю вас назад служить обедню, господин аббат! Вытаскивайте шпагу, прошу вас, и сию же минуту!

— Нет-нет, милый друг, не здесь, во всяком случае. Не видите вы разве, что мы находимся против самого дома д'Эгильонов, который наполнен клеветами кардинала? Кто уверит меня, что не его высокопреосвященство поручил вам доставить ему мою голову? А знаете, я до смешного дорожу своей головой. Мне представляется, что она довольно ловко сидит у меня на плечах. Поэтому я согласен убить вас, будьте спокойны, но убить без шума, в укромном местечке, где вы никому не могли бы похвастать своей смертью.

— Пусть так. Только не будьте слишком самоуверенны и захватите ваш платочек: принадлежит ли он вам или нет, но он может вам пригодиться.

— Вы, сударь, гасконец? — с иронией спросил Арамис.

— Да. И гасконцы обычно не откладывают поединка из осторожности.

— Осторожность, сударь, качество излишнее для мушкетера, я это знаю. Но она необходима служителям церкви. И так как мушкетер я только временно, то предпочитаю быть осторожным. В два часа я буду иметь честь встретиться с вами в доме господина де Тревиля. Там я укажу вам подходящее для поединка место.

Молодые люди раскланялись, затем Арамис удалился по улице, ведущей к Люксембургскому дворцу, а д'Артаньян, видя, что уже довольно поздно, зашагал в сторону монастыря Дешо.

«Ничего не поделаешь, — рассуждал он сам с собой, — поправить ничего нельзя. Одно утешение: если я буду убит, то буду убит мушкетером».

V
КОРОЛЕВСКИЕ МУШКЕТЕРЫ
И ГВАРДЕЙЦЫ Г-НА КАРДИНАЛА

У д'Артаньяна в Париже не было ни одного знакомого. Поэтому он на поединок с Атосом отправился без секунданта, намереваясь удовольствоваться секундантами противника. Впрочем, он заранее твердо решил принести храброму мушкетеру все допустимые извинения, не проявляя при этом, разумеется, слабости. Он решил это, опасаясь тяжелых последствий, которые может иметь подобная дуэль, когда человек, полный сил и молодости, дерется с раненым и ослабевшим противником. Если он окажется побежденным — противник будет торжествовать вдвойне; если же победителем будет он — его обвинят в вероломстве, скажут, что успех достался ему слишком легко.

Впрочем, либо мы плохо обрисовали характер нашего искателя приключений, либо читатель должен был уже заметить, что д'Артаньян был человек не совсем обыкновенный. Поэтому, хоть и твердя самому себе, что гибель его неизбежна, он не мог безропотно покориться неизбежности смерти, как сделал бы это другой, менее смелый и менее спокойный человек. Он вдумался в различия характеров тех, с кем ему предстояло сражаться, и положение постепенно становилось для него ясней. Он надеялся, что, извинившись, завоюет дружбу Атоса, строгое лицо и благородная осанка которого произвели на него самое хорошее впечатление. Он льстил себя надеждой запугать Портога историей с перевязью, которую он мог, в случае если не будет убит на месте, рассказать всем, а такой рассказ, преподнесенный в подходящей форме, не мог не сделать Портога смешным в глазах друзей и товарищей. Что же касается хитроумного Арамиса, то он не внушал д'Артаньяну особого страха. Если даже предположить, что и до него дойдет очередь, то д'Артаньян твердо решил либо отправить его на тот свет, либо же ударом в лицо, как Цезарь советовал поступать с солдатами Помпея, нанести ущерб красоте, которой Арамис так явно гордился.

Кроме того, в д'Артаньяне жила непоколебимая решимость, основанная на советах его отца, сущность которых сводилась к следующему: «Не покоряться никому, кроме короля, кардинала и господина де Тревиля». Вот почему д'Артаньян не шел, а летел по направлению к монастырю Дешо. Это было заброшенное здание с выбитыми стеклами, окруженное бесплодными пустырями, в случае надобности служившими тому же назначению, что и Пре-о-Клер: там обыкновенно дрались люди, которым нельзя было терять время.

Когда д'Артаньян подходил к пустырю, находившемуся подле монастыря, пробило полдень. Атос ожидал его всего пять минут — следовательно, д'Артаньян был безукоризненно точен и самый строгий судья в законах дуэли не имел бы повода упрекнуть его.

Атос, которому рана причиняла еще тяжкую боль, хоть лекарь де Тревиля и наложил на нее свежую повязку, сидел на камне и ожидал противника,

как всегда спокойный и полный благородного достоинства. Увидев д'Артаньяна, он встал и учтиво сделал несколько шагов ему навстречу. Д'Артаньян, со своей стороны, приблизился к противнику, держа шляпу в руке так, что перо волочилось по земле.

— Сударь, — сказал Атос, — я послал за двумя моими друзьями, которые и будут моими секундантами. Но друзья эти еще не пришли. Я удивляюсь их опозданию: это не входит в их привычки.

— У меня секундантов нет, — произнес д'Артаньян. — Я только вчера прибыл в Париж, и у меня нет здесь ни одного знакомого, кроме господина де Тревиля, которому рекомендовал меня мой отец, имевший честь некогда быть его другом.

Атос на мгновение задумался.

— Вы знакомы только с господином де Тревилем? — спросил он.

— Да, сударь, я знаком только с ним.

— Вот так история! — проговорил Атос, обращаясь столько же к самому себе, как и к своему собеседнику. — Вот так история! Но если я вас убью, я прослышу пожирателем детей.

— Не совсем так, сударь, — возразил д'Артаньян с поклоном, который не был лишен достоинства. — Не совсем так, раз вы делаете мне честь драться со мною, невзирая на рану, которая, несомненно, тяготит вас.

— Очень тяготит, даю вам слово. И вы причинили мне чертовскую боль, должен признаться. Но я буду держать шпагу в левой руке, как делаю всегда в подобных случаях. Таким образом, не думайте, что это облегчит ваше положение: я одинаково свободно действую обеими руками. Это создаст даже некоторое неудобство для вас. Левша очень стесняет противника, когда тот не подготовлен к этому. Я сожалею, что не поставил вас заранее в известность об этом обстоятельстве.

— Вы, сударь, — проговорил д'Артаньян, — бесконечно любезны, и я вам глубоко признателен.

— Я, право, смущен вашими речами, — сказал Атос с изысканной учтивостью. — Поговорим лучше о другом, если вы ничего не имеете против... Ах, дьявол, как больно вы мне сделали! Плечо так и горит!

— Если б вы разрешили... — робко пробормотал д'Артаньян.

— Что именно, сударь?

— У меня есть чудодейственный бальзам для лечения ран. Этот бальзам мне дала с собой матушка, и я испытал его на самом себе.

— И что же?

— А то, что не далее как через каких-нибудь три дня вы — я в этом уверен — будете исцелены, а по прошествии этих трех дней, когда вы поправитесь, сударь, я почту за великую честь скрестить с вами шпаги.

Д'Артаньян произнес эти слова с простотой, делавшей честь его учтивости и в то же время не дававшей повода сомневаться в его мужестве.

— Клянусь богом, сударь, — ответил Атос, — это предложение мне по душе. Не то чтобы я на него согласился, но от него за целую миллю отдает

благородством дворянина. Так говорили и действовали воины времен Карла Великого, примеру которых должен следовать каждый кавалер. Но мы, к сожалению, живем не во времена великого императора. Мы живем при почтенном господине кардинале, и за три дня, как бы тщательно мы ни хранили нашу тайну, говорю я, станет известно, что мы собираемся драться, и нам помешают осуществить наше намерение... Да, но эти лодыри окончательно пропали, как мне кажется!

— Если вы спешите, сударь, — произнес д'Артаньян с той же простотой, с какой минуту назад он предложил Атосу отложить дуэль на три дня, — если вы спешите и если вам угодно покончить со мной немедленно, прошу вас — не стесняйтесь.

— И эти слова также мне по душе, — сказал Атос, приветливо кивнув д'Артаньяну. — Это слова человека неглупого и, несомненно, благородного. Сударь, я очень люблю людей вашего склада и вижу: если мы не убьем друг друга, мне впоследствии будет весьма приятно беседовать с вами. Подождем моих друзей, прошу вас, мне некуда спешить, и так будет приличнее... Ах, вот один из них, кажется, идет!

Действительно, в конце улицы Вожирар в эту минуту показалась гигантская фигура Портоса.

— Как? — воскликнул д'Артаньян. — Ваш первый секундант — господин Портос?

— Да. Это вам почему-нибудь неприятно?

— Нет-нет!

— А вот и второй.

Д'Артаньян повернулся в сторону, куда указывал Атос, и узнал Арамиса.

— Как? — воскликнул он тоном, выражавшим еще большее удивление, чем в первый раз. — Ваш второй секундант — господин Арамис?

— Разумеется. Разве вам не известно, что нас никогда не видят друг без друга и что как среди мушкетеров, так и среди гвардейцев, при дворе и в городе нас называют Атос, Портос и Арамис, или трое неразлучных. Впрочем, так как вы прибыли из Дакса или По...

— Из Табра, — поправил д'Артаньян.

— ...вам позволительно не знать этих подробностей.

— Честное слово, — произнес д'Артаньян, — прозвища у вас, милостивые государи, удачные, и история со мной, если только она получит огласку, послужит доказательством, что ваша дружба основана не на различии характеров, а на сходстве их.

Портос в это время, подойдя ближе, движением руки приветствовал Атоса, затем, обернувшись, замер от удивления, как только узнал д'Артаньяна.

Упомянем вскользь, что Портос успел за это время переменить перевязь и скинуть плащ.

— Та-ак... — протянул он. — Что это значит?

— Я дерусь с этим господином, — сказал Атос, указывая на д'Артаньяна рукой и тем же движением как бы приветствуя его.

— Но и я тоже дерусь именно с ним, — заявил Портос.

— Только в час дня, — успокоительно заметил д'Артаньян.

— Но и я тоже дерусь с этим господином, — объявил Арамис, в свою очередь, приблизившись к ним.

— Только в два часа, — все так же спокойно сказал д'Артаньян.

— По какому же поводу дерешься ты, Атос? — спросил Арамис.

— Право, затрудняюсь ответить, — сказал Атос. — Он больно толкнул меня в плечо. А ты, Портос?

— А я дерусь просто потому, что дерусь, — покраснев, ответил Портос.

Атос, от которого ничто не могло ускользнуть, заметил тонкую улыбку, скользнувшую по губам гасконца.

— Мы поспорили по поводу одежды, — сказал молодой человек.

— А ты, Арамис?

— Я дерусь из-за несогласия по одному богословскому вопросу, — сказал Арамис, делая знак д'Артаньяну, чтобы тот скрыл истинную причину дуэли.

Атос заметил, что по губам гасконца снова скользнула улыбка.

— Неужели? — переспросил Атос.

— Да, одно место из блаженного Августина, по поводу которого мы не сошлись во мнениях, — сказал д'Артаньян.

«Он, бесспорно, умен», — подумал Атос.

— А теперь, милостивые государи, когда все вы собрались здесь, — произнес д'Артаньян, — разрешите мне принести вам извинения.

При слове «извинения» лицо Атоса затуманилось, по губам Портоса скользнула пренебрежительная усмешка, Арамис же отрицательно покачал головой.

— Вы не поняли меня, господа, — сказал д'Артаньян, подняв голову. Луч солнца в эту минуту, коснувшись его головы, отгенил тонкие и смелые черты его лица. — Я просил у вас извинения на тот случай, если не буду иметь возможности дать удовлетворение всем вам троим. Ведь господин Атос имеет право первым убить меня, и это может лишить меня возможности уплатить свой долг чести вам, господин Портос; обязательство же, выданное вам, господин Арамис, превращается почти в ничто. А теперь, милостивые государи, повторяю еще раз: прошу простить меня, но только за это... Не начнем ли мы?

С этими словами молодой гасконец смело выхватил шпагу.

Кровь ударила ему в голову. В эту минуту он готов был обнажить шпагу против всех мушкетеров королевства, как обнажил ее сейчас против Атоса, Портоса и Арамиса.

Было четверть первого. Солнце стояло в зените, и место, избранное для дуэли, было залито его палящими лучами.

— Жарко, — сказал Атос, в свою очередь, обнажая шпагу. — А между тем мне нельзя скинуть камзол. Я чувствую, что рана моя кровоточит, и боюсь смутить моего противника видом крови, которую не он пустил.

— Да, сударь, — ответил д'Артаньян. — Но будь эта кровь пущена мною или другими, могу вас уверить, что мне всегда будет больно видеть кровь столь храброго дворянина. Я буду драться, не снимая камзола, как и вы.

— Вот это прекрасно, — воскликнул Портос, — но довольно любезностей! Не забывайте, что мы ожидаем своей очереди...

— Говорите от своего имени, Портос, когда говорите подобные нелепости, — перебил его Арамис. — Что до меня, то все, сказанное этими двумя господами, на мой взгляд, прекрасно и вполне достойно двух благородных дворян.

— К вашим услугам, сударь, — проговорил Атос, становясь на свое место.

— Я ждал только вашего слова, — ответил д'Артаньян, скрестив с ним шпагу.

Но не успели зазвенеть клинки, коснувшись друг друга, как отряд гвардейцев кардинала под командой г-на де Жюссака показался из-за угла монастыря.

— Гвардейцы кардинала! — в один голос вскричали Портос и Арамис. — Шпаги в ножны, господа! Шпаги в ножны!

Но было уже поздно. Противников застали в позе, не оставлявшей сомнения в их намерениях.

— Эй! — крикнул де Жюссак, шагнув к ним и знаком приказав своим подчиненным последовать его примеру. — Эй, мушкетеры! Вы собрались здесь драться? А как же с эдиктами?

— Вы крайне любезны, господа гвардейцы, — сказал Атос с досадой, так как де Жюссак был участником нападения, имевшего место два дня назад. — Если бы мы застали вас дерущимися, могу вас уверить — мы не стали бы мешать вам. Дайте нам волю, и вы, не затрачивая труда, получите полное удовольствие.

— Милостивые государи, — сказал де Жюссак, — я вынужден, к великому сожалению, объявить вам, что это невозможно. Долг для нас — прежде всего. Вложите шпаги в ножны и следуйте за нами.

— Милостивый государь, — сказал Арамис, передразнивая де Жюссака, — мы с величайшим удовольствием согласились бы на ваше любезное предложение, если бы это зависело от нас. Но, к несчастью, это невозможно: господин де Тревиль запретил нам это. Идите-ка своей дорогой — это лучшее, что вам остается сделать.

Насмешка привела де Жюссака в ярость.

— Если вы не подчинитесь, — воскликнул он, — мы вас арестуем!

— Их пятеро, — вполголоса заметил Атос, — а нас только трое. Мы снова потерпим поражение, или нам придется умереть на месте, ибо объявляю вам: побежденный, я не покажусь на глаза капитану.

Атос, Портос и Арамис в то же мгновение пододвинулись друг к другу, а де Жюссак поспешил выстроить своих солдат. Этой минуты было достаточно для д'Артаньяна: он решил. Произошло одно из тех событий, которые определяют судьбу человека. Ему предстояло выбрать между королем и кардиналом, и, раз выбрав, он должен будет держаться избранного. Всту-

пить в бой — значило не подчиниться закону, значило рискнуть головой, значило стать врагом министра, более могущественного, чем сам король. Все это молодой человек понял в одно мгновение. И, к чести его, мы должны сказать, что он не колебался ни секунды.

— Господа, — сказал он, обращаясь к Атосу и его друзьям, — разрешите мне поправить вас. Вы сказали, что вас трое; но мне кажется, что нас четверо.

— Но вы не мушкетер, — возразил Портос.

— Это правда, — согласился д'Артаньян, — на мне нет одежды мушкетера, но душой я мушкетер. Сердце мое — сердце мушкетера. Я чувствую это и действую как мушкетер.

— Отойдите, молодой человек! — крикнул де Жюссак, который по жестам и выражению лица д'Артаньяна, должно быть, угадал его намерения. — Вы можете удалиться, мы не возражаем. Спасайте свою шкуру! Торопитесь!

Д'Артаньян не двинулся с места.

— Вы в самом деле славный малый, — сказал Атос, пожимая ему руку.

— Скорей, скорей, решайтесь! — крикнул де Жюссак.

— Скорей, — заговорили Портос и Арамис, — нужно что-то предпринять.

— Этот молодой человек исполнен великодушия, — произнес Атос.

Но всех троих тревожила молодость и неопытность д'Артаньяна.

— Нас будет трое, из которых один раненый, другой юноша, почти ребенок, а скажут, что нас было четверо.

— Да, но отступить!.. — воскликнул Портос.

— Это невозможно, — сказал Атос.

Д'Артаньян понял причину их нерешительности.

— Милостивые государи, — сказал он, — испытайте меня, и клянусь вам честью, что я не уйду с этого места, если мы будем побеждены!

— Как ваше имя, храбрый юноша? — спросил Атос.

— Д'Артаньян, сударь.

— Итак: Атос, Портос, Арамис, д'Артаньян! Вперед! — крикнул Атос.

— Ну как же, государи мои, — осведомился де Жюссак, — соблагovolите вы решиться наконец?

— Все решено, сударь, — ответил Атос.

— Каково же решение? — спросил де Жюссак.

— Мы будем иметь честь атаковать вас, — произнес Арамис, одной рукой приподняв шляпу, другой обнажая шпагу.

— Вот как... вы сопротивляетесь! — воскликнул де Жюссак.

— Тысяча чертей! Вас это удивляет?

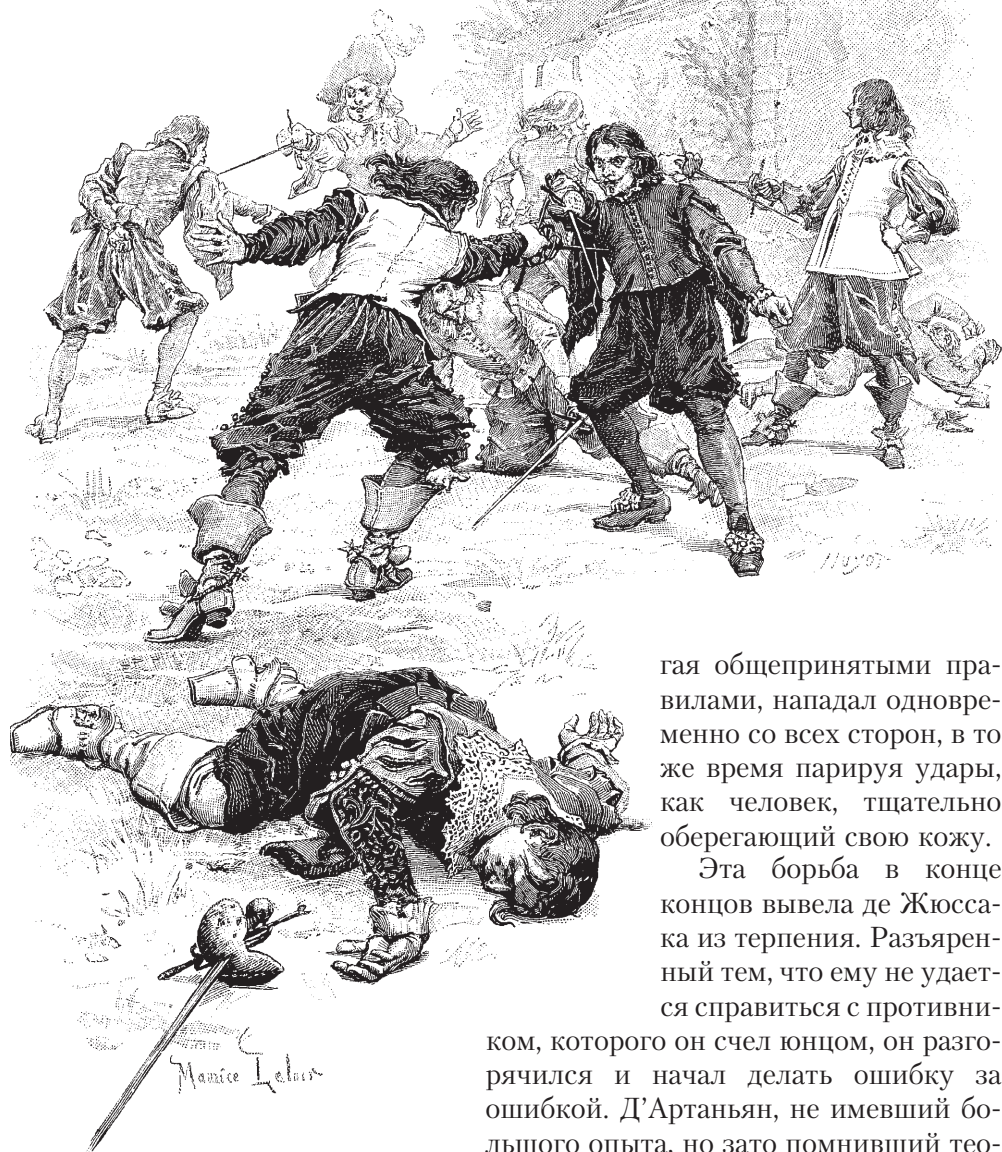
И все девять сражающихся бросились друг на друга с яростью, не исключавшей, впрочем, известной обдуманности действий.

Атос бился с неким Каюзаком, любимцем кардинала, на долю Портоса выпал Бикара, тогда как Арамис оказался лицом к лицу с двумя противниками.

Что же касается д'Артаньяна, то его противником оказался сам де Жюссак.

Сердце молодого гасконца билось столь сильно, что готово было разорвать ему грудь. Видит бог, не от страха — он и тени страха не испытывал, — а от возбуждения. Он дрался, как разъяренный тигр, носясь вокруг своего

противника, двадцать раз меняя тактику и местоположение. Жюссак был, по тогдашнему выражению, «мастер клинка», и притом многоопытный. Тем не менее он с величайшим трудом оборонялся против своего гибкого и ловкого противника, который, ежеминутно пренебре-

гая общепринятыми правилами, напал одновременно со всех сторон, в то же время парируя удары, как человек, тщательно оберегающий свою кожу.

Эта борьба в конце концов вывела де Жюссак из терпения. Разъяренный тем, что ему не удастся справиться с противником, которого он считал юнцом, он разгорячился и начал делать ошибку за ошибкой. Д'Артаньян, не имевший большого опыта, но зато помнивший тео-

рию, удвоил быстроту движений. Жюссак, решив покончить с ним, сделал резкий выпад, стремясь нанести противнику страшный удар. Но д'Артаньян ловко отпарировал, и в то время как Жюссак выпрямлялся, гасконец, словно змея, ускользнул из-под его руки и насквозь пронзил его своей шпагой. Жюссак рухнул как подкошенный.

Освободившись от своего противника, д'Артаньян быстрым и тревожным взглядом окинул поле битвы.

Арамис успел уже покончить с одним из своих противников, но второй сильно теснил его.

Все же положение Арамиса было благоприятно, и он мог еще защищаться.

Бикара и Портос ловко орудовали шпагами. Портос был уже ранен в предплечье, Бикара — в бедро. Ни та, ни другая рана не угрожала жизни, и оба они с еще большим ожесточением продолжали изощряться в искусстве фехтования.

Атос, вторично раненный Каюзакком, с каждым мгновением все больше бледнел, но не отступал ни на шаг. Он только переложил шпагу в другую руку и теперь дрался левой.

Д'Артаньян, согласно законам дуэли, принятым в те времена, имел право поддержать одного из сражающихся. Остановившись в нерешительности и не зная, кому больше нужна его помощь, он вдруг уловил взгляд Атоса. Этот взгляд был мучительно красноречив. Атос скорее бы умер, чем позвал на помощь. Но взглянуть он мог и взглядом мог попросить о поддержке. Д'Артаньян понял и, рванувшись вперед, сбоку обрушился на Каюзака:

— Ко мне, господин гвардеец! Я убью вас!

Каюзак обернулся. Помощь подоспела вовремя. Атос, которого поддерживало только его неслыханное мужество, опустился на одно колено.

— Проклятье! — крикнул он. — Не убивайте его, молодой человек. Я должен еще свести с ним старый счет, когда поправлюсь и буду здоров. Обезоружьте его, выбейте шпагу... Вот так... Отлично! Отлично!

Это восклицание вырвалось у Атоса, когда он увидел, как шпага Каюзак отлетела на двадцать шагов. Д'Артаньян и Каюзак одновременно бросились за ней: один — чтобы вернуть ее себе, другой — чтобы завладеть ею. Д'Артаньян, более проворный, добежал первый и наступил ногой на лезвие.

Каюзак бросился к гвардейцу, которого убил Арамис, схватил его рапиру и собирался вернуться к д'Артаньяну, но по пути наскочил на Атоса, успевшего за эти короткие мгновения перевести дух. Опасаясь, что д'Артаньян убьет его врага, Атос желал возобновить бой.

Д'Артаньян понял, что помешать ему — значило бы обидеть Атоса. И действительно, через несколько секунд Каюзак упал: шпага Атоса вонзилась ему в горло.

В это же самое время Арамис приставил конец шпаги к груди поверженного им противника, заставив его признать себя побежденным.

Оставались Портос и Бикара. Портос дурачился, спрашивая у Бикара, который, по его мнению, может быть час, и поздравляя его с ротой, которую получил его брат в Наваррском полку. Но все его насмешки не вели ни к чему: Бикара был один из тех железных людей, которые падают только мертвыми.

Между тем пора было кончать. Могла появиться стража и арестовать всех участников дуэли — и здоровых и раненых, роялистов и кардиналистов. Атос, Арамис и д'Артаньян окружили Бикара, предлагая ему сдаться. Один против всех, раненный в бедро, Бикара все же отказался. Но Жюссак, приподнявшись на локте, крикнул ему, чтоб он сдавался. Бикара был гасконец, как и д'Артаньян. Он остался глух и только засмеялся. Продолжая драться, он между двумя выпадами концом шпаги указал точку на земле.

— Здесь... — произнес он, пародируя слова Библии, — здесь умрет Бикара, один из всех, иже были с ним.

— Но ведь их четверо против тебя одного. Сдайся, приказываю тебе!

— Раз ты приказываешь, дело другое, — сказал Бикара. — Ты мой командир, и я должен повиноваться...

И, внезапно отскочив назад, он переломил пополам свою шпагу, чтобы не отдать ее противнику. Перекинув через стену монастыря обломки, он скрестил на груди руки, насвистывая какую-то кардиналистскую песенку.

Мужество всегда вызывает уважение, даже если это мужество врага. Мушкетеры отсалютовали смелому гвардейцу своими шпагами и спрятали их в ножны. Д'Артаньян последовал их примеру, а затем, с помощью Бикара, единственного из гвардейцев оставшегося на ногах, он отнес к крыльцу монастыря Жюссака, Каюзака и того из противников Арамиса, который был только ранен. Четвертый гвардеец, как мы уже говорили, был убит. Затем, позвонив в колокол у входа и унося с собой четыре шпаги из пяти, опьяненные радостью, они двинулись к дому г-на де Тревиля.

Они шли, держась под руки и занимая всю ширину улицы, заговаривая со всеми встречавшимися им мушкетерами, так что в конце концов это стало похоже на триумфальное шествие. Д'Артаньян был в упоении. Он шагал между Атосом и Портосом, с любовью обнимая их.

— Если я еще не мушкетер, — произнес он на пороге дома де Тревиля, обращаясь к своим новым друзьям, — я все же могу уже считать себя принятым в ученики, не правда ли?

VI ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО КОРОЛЬ ЛЮДОВИК XIII

История эта наделала много шума. Г-н де Тревиль вслух бранил своих мушкетеров, а втихомолку поздравлял их. Нельзя было, однако, терять время: следовало немедленно предупредить короля, и г-н де Тревиль поспешил в Лувр. Но было уже поздно: король сидел, запершись с кардиналом. Де Тревилю было сказано, что король занят и никого сейчас принять не может. Тревиль явился вечером, в час,

когда король играл в карты. Король был в выигрыше, и так как его величество отличался чрезвычайной скупостью, то находился по этому случаю в прекрасном расположении духа.

— Подойдите-ка сюда, господин капитан! — закричал он, еще издали заметив де Тревиля. — Подойдите, чтобы я мог хорошенько выбрать вас. Известно ли вам, что его высокопреосвященство явился ко мне с жалобой на ваших мушкетеров и так волновался, что после разговора даже слег в постель? Да что же это — головорезы, черти какие-то ваши мушкетеры?

— Нет, ваше величество, — ответил де Тревиль, с первых слов поняв, какой оборот примет дело. — Нет, как раз напротив: это добрейшие создания, кроткие, как агнцы, и стремящиеся, ручаюсь вам, только к одному — чтобы шпаги их покидали ножны лишь для службы вашему величеству. Но что поделаешь: гвардейцы господина кардинала всюду придираются к ним, и бедные молодые люди вынуждены защищаться, хотя бы во имя чести своего полка.

— Послушайте, господин де Тревиль! — воскликнул король. — Послушайте! Можно подумать, что речь идет о какой-то монашеской общине. В самом деле, дорогой мой капитан, у меня является желание лишить вас капитанского чина и пожаловать им мадемуазель де Шемро, которую я обещал сделать настоятельницей монастыря. Но не воображайте, что я поверю вам на слово. Меня, господин де Тревиль, называют Людовиком Справедливым, и вот мы сейчас увидим...

— Именно потому, что я полагаюсь на эту справедливость, я терпеливо и с полным спокойствием буду ждать решения вашего величества.

— Подождите, подождите, — сказал король. — Я недолго заставлю вас ждать.

Счастье в игре к этому времени начало изменять королю: он стал проигрывать и был не прочь — да простят нам такое выражение — увильнуть. Через несколько минут король поднялся и, пряча в карман деньги, лежавшие перед ним на столе и почти целиком выигранные им, сказал:

— Ла Вьевиль, займите мое место. Мне нужно поговорить с господином де Тревилем о важном деле... Ах да, тут у меня лежало восемьдесят луи — поставьте столько же, чтобы пострадавшие не пострадали. Справедливость — прежде всего!

Затем он повернулся к де Тревилю.

— Итак, сударь, — заговорил он, направляясь с ним к одному из окон, — вы утверждаете, что именно гвардейцы его высокопреосвященства затеяли ссору с вашими мушкетерами?

— Да, ваше величество, как и всегда.

— Как же все это произошло? Расскажите. Ведь вам, наверное, известно, дорогой мой капитан, что судья должен выслушать обе стороны.

— Господи боже мой! Все это произошло как нельзя более просто. Трое лучших моих солдат — имена их хорошо известны вашему величеству, имевшему не раз случай оценить их верность, а они, могу уверить ваше величество, всей душой преданы своей службе, — итак, трое моих солдат, гос-

пода Атос, Портос и Арамис, собирались на прогулку вместе с одним молодым гасконцем, которого я как раз сегодня утром поручил их вниманию. Они собирались, если не ошибаюсь, в Сен-Жермен и местом встречи назначили поляну около монастыря Дешо. Внезапно откуда-то появился господин де Жюссак в сопровождении господина Каюзака, Бикара и еще двух гвардейцев. Эти господа пришли сюда такой многочисленной компанией, по-видимому, не без намерения нарушить указы.

— Так, так, я только сейчас понял, — сказал король. — Они сами собирались здесь драться на дуэли?

— Я не обвиняю их, ваше величество, но ваше величество сами можете посудить: с какой целью пятеро вооруженных людей могут отправиться в такое уединенное место, как окрестности монастыря кармелиток?

— Вы правы, Тревиль, вы правы!

— Но, увидев моих мушкетеров, они изменили намерение, и личная вражда уступила место вражде между полками. Вашему величеству ведь известно, что мушкетеры, преданные королю, и только королю, — исконные враги гвардейцев, преданных господину кардиналу?

— Да, Тревиль, да, — с грустью произнес король. — Очень печально видеть во Франции это разделение на два лагеря. Очень печально, что у королевства две головы. Но все это кончится, Тревиль, все это кончится. Итак, вы говорите, что гвардейцы затеяли ссору с мушкетерами?

— Я говорю, что дело, вероятно, произошло именно так. Но ручаться не могу. Вы знаете, как трудно установить истину. Для этого нужно обладать той необыкновенной проницательностью, благодаря которой Людовик Тринадцатый прозван Людовиком Справедливым.

— Вы правы, Тревиль. Но мушкетеры ваши были не одни. С ними был юноша, почти ребенок.

— Да, ваше величество, и один раненый, так что трое королевских мушкетеров, из которых один был ранен, и с ними один мальчик устояли против пятерых самых прославленных гвардейцев господина кардинала и даже уложили четверых из них.

— Да ведь это победа! — воскликнул король, просияв. — Полная победа!

— Да, ваше величество, столь же полная, как у Сэ.

— Четыре человека, из которых один раненый и один почти ребенок, сказали вы?

— Едва ли его можно назвать даже молодым человеком. Но вел он себя во время этого столкновения так великолепно, что я возьму на себя смелость рекомендовать его вашему величеству.

— Как его зовут?

— Д'Артаньян, ваше величество. Это сын одного из моих самых старых друзей. Сын человека, который вместе с отцом вашего величества участвовал в войне добровольцем.

— И вы говорите, что этот юноша хорошо держался? Расскажите мне это поподробнее, Тревиль: вы ведь знаете, что я люблю рассказы о войнах и сражениях.

И король Людовик XIII, гордо откинувшись, покрутил ус.

— Ваше величество, — продолжал де Тревиль, — как я уже говорил, господин д'Артаньян — еще почти мальчик и, не имея чести состоять в мушкетерах, был одет как горожанин. Гвардейцы господина кардинала, приняв во внимание его крайнюю молодость и особенно то, что он не принадлежит к полку, предложили ему удалиться до того, как они произведут нападение...

— Вот видите, Тревиль, — перебил его король, — первыми напали они.

— Совершенно верно, ваше величество, сомнений в этом нет. Итак, они предложили ему удалиться, но он ответил, что он мушкетер душой, всецело предан вашему величеству и, следовательно, остается с господами мушкетерами.

— Славный юноша! — прошептал король.

— Он действительно остался с ними, и ваше величество приобрели прекрасного воина, ибо это он нанес господину де Жюссаку тот страшный удар шпагой, который приводит в такое бешенство господина кардинала.

— Это он ранил Жюссака? — воскликнул король. — Он? Мальчик? Это невозможно, Тревиль!

— Все произошло так, как я имел честь доложить вашему величеству.

— Жюссак — один из лучших фехтовальщиков во всей Франции!

— Что ж, ваше величество, он наскочил на противника, превосходящего его.

— Я хочу видеть этого юношу, Тревиль, я хочу его видеть, и если можно сделать для него что-нибудь, то мы займемся этим.

— Когда ваше величество соизволит принять его?

— Завтра в полдень, Тревиль.

— Привести его одного?

— Нет, приведите всех четверых вместе. Я хочу поблагодарить их всех одновременно. Преданные люди встречаются не часто, Тревиль, и преданность заслуживает награды.

— В полдень, ваше величество, мы будем в Лувре.

— С малого подъезда, Тревиль, с малого подъезда. Кардиналу незачем знать.

— Слушаюсь, ваше величество.

— Вы понимаете, Тревиль: указ — это все-таки указ. Ведь драться, в конце концов, запрещено.

— Но это столкновение, ваше величество, совершенно выходит за обычные рамки дуэли. Это стычка, и лучшее доказательство — то, что их было пятеро, гвардейцев кардинала, против трех моих мушкетеров и господина д'Артаньяна.

— Правильно, — сказал король. — Но все-таки, Тревиль, приходите с малого подъезда.

Тревиль улыбнулся. Он добился того, что дитя возмутилось против своего учителя, и это было уже много. Он почтительно склонился перед королем и, испросив его разрешения, удалился.

В тот же вечер все три мушкетера были уведомлены о чести, которая им будет оказана. Давно уже зная короля, они были не слишком взволнованы.

Но д'Артаньян, при своем воображении гасконца, увидел в этом событии предзнаменование будущих успехов и всю ночь рисовал себе самые радужные картины. В восемь часов утра он уже был у Атоса.

Д'Артаньян застал мушкетера одетым и готовым к выходу. Так как прием у короля был назначен на полдень, Атос условился с Портосом и Арамисом отправиться в кабачок около люксембургских конюшен и поиграть там в мяч. Он пригласил д'Артаньяна пойти вместе с ними, и тот согласился, хотя и не был знаком с этой игрой. Было всего около девяти часов утра, и он не знал, куда девать время до двенадцати.

Портос и Арамис были уже на месте и перекидывались для забавы мячом. Атос, отличавшийся большой ловкостью во всех физических упражнениях, встал с д'Артаньяном по другую сторону площадки и предложил им сразиться. Но при первом же движении, хоть он и играл левой рукой, он понял, что рана его еще слишком свежа для такого упражнения. Д'Артаньян, таким образом, остался один, и так как он предупредил, что еще слишком неопытен для игры по всем правилам, то два мушкетера продолжали только перекидываться мячом, не считая очков. Один из мячей, брошенных мощной рукой Портоса, пролетая, чуть не коснулся лица д'Артаньяна, и юноша подумал, что, если бы мяч не пролетел мимо, а попал ему в лицо, аудиенция, вероятно, не могла бы состояться, так как он не был бы в состоянии явиться во дворец. А ведь от этой аудиенции, как представлялось его гасконскому воображению, зависело все его будущее. Он учтиво поклонился Портосу и Арамису и сказал, что продолжит игру, когда окажется способным помериться с ними силой. С этими словами он отошел за веревку, заняв место среди зрителей.

К несчастью для д'Артаньяна, среди зрителей находился один из гвардейцев его высокопреосвященства. Взбешенный поражением, которое всего только накануне понесли его товарищи, гвардеец этот поклялся себе отомстить за них. Случай показался ему подходящим.

— Неудивительно, — проговорил он, обращаясь к своему соседу, — что этот юноша испугался мяча. Это, наверное, ученик мушкетеров.

Д'Артаньян обернулся так круто, словно его ужалила змея, и в упор поглядел на гвардейца, который произнес эти дерзкие слова.

— В чем дело? — продолжал гвардеец, с насмешливым видом покручивая ус. — Глядите на меня сколько хотите, милейший: я сказал то, что сказал.

— А так как сказанное вами слишком ясно и не требует объяснений, — ответил д'Артаньян, — я попрошу вас следовать за мной.

— Когда именно? — спросил гвардеец все тем же насмешливым тоном.

— Сию же минуту, прошу вас.

— Вам, надеюсь, известно, кто я такой?

— Мне это совершенно неизвестно и к тому же безразлично.

— Напрасно! Возможно, что, узнав мое имя, вы бы не так спешили.

— Как же вас зовут?

— Бернажу, к вашим услугам.

— Итак, господин Бернажу, — спокойно ответил д'Артаньян, — я буду ждать вас у выхода.

— Идите, сударь. Я следую за вами.

— Не проявляйте излишней поспешности, сударь, чтобы никто не заметил, что мы вышли вместе. Для того дела, которым мы займемся, нам не нужны лишние свидетели.

— Хорошо, — согласился гвардеец, удивленный, что его имя не произвело должного впечатления.

Имя Бернажу в самом деле было известно всем, за исключением разве только одного д'Артаньяна. Ибо это было имя участника чуть ли не всех столкновений и схваток, происходивших ежедневно, невзирая на все указы короля и кардинала.

Портос и Арамис были так увлечены игрой, Атос же так внимательно наблюдал за ними, что никто из них даже и не заметил ухода молодого человека, который, как он обещал гвардейцу кардинала, остановился на пороге. Через несколько минут гвардеец последовал за ним. Д'Артаньян торопился, боясь опоздать на прием к королю, назначенный в полдень. Оглянувшись вокруг, он увидел, что улица пуста.

— Честное слово, — произнес он, обращаясь к своему противнику, — вам повезло, хоть вы и называетесь Бернажу! Вы наскочили только на ученика-мушкетера. Впрочем, не беспокойтесь: я сделаю все, что могу. Защищайтесь!

— Мне кажется... — сказал гвардеец, которому д'Артаньян бросил вызов, — мне кажется, что место выбрано неудачно. Нам было бы удобнее где-нибудь за Сен-Жерменским аббатством или на Пре-о-Клер.

— Слова ваши вполне благоразумны, — сказал д'Артаньян. — К сожалению, у меня очень мало времени. Ровно в двенадцать у меня назначено свидание. Поэтому защищайтесь, сударь, защищайтесь!

Бернажу был не таков, чтобы ему дважды нужно было повторять подобное приглашение. В тот же миг шпага блеснула в его руке, и он ринулся на противника, которого он, принимая во внимание его молодость, рассчитывал припугнуть.

Но д'Артаньян накануне уже прошел хорошую школу. Весь еще трепеща от сознания победы, гордясь ожидаемой милостью, он был полон решимости ни на шаг не отступить. Шпаги, зазвенев, скрестились. Д'Артаньян держался твердо, и противник был вынужден отступить на шаг. Воспользовавшись тем, что при этом движении шпага Бернажу несколько отклонилась, д'Артаньян, высвободив свою шпагу, бросился вперед и коснулся острием плеча противника. Д'Артаньян немедленно отступил на шаг, подняв вверх шпагу. Но Бернажу крикнул ему, что это пустяки, и, смело ринувшись вперед, сам наскочил на острие шпаги д'Артаньяна. Тем не менее, так как он не падал и не признавал себя побежденным, а только отступал в сторону особняка г-на де Ла Тремуля, где служил один из его родственников, д'Артаньян, не имея понятия, насколько опасна последняя нанесенная им противнику рана, упорно его теснил и, возможно, прикончил бы третьим ударом. Однако шум, доносившийся с улицы, был услышан в помещении, где играли в мяч. Двое из друзей гвардейца, заметившие, как их друг обменялся несколькими словами с д'Артаньяном, а затем вышел вслед за ним, выхватив шпаги, выбежали из помещения и напали на победителя. Но в то же мгновение Атос, Портос и Арамис, в свою очередь, показались на пороге и, накинувшись на двух гвардейцев, атаковавших их молодого друга, заставили нападавших повернуться к ним лицом. В этот миг Бернажу упал, и гвардейцы, которых оказалось двое против четырех, подняли крик:

— На помощь, люди де Ла Тремуля!

На этот призыв из дома де Ла Тремуля высыпали все, кто там находился, и бросились на четырех мушкетеров.

Но тут и мушкетеры, в свою очередь, бросили боевой клич:

— На помощь, мушкетеры!

На этот крик всегда отзывались. Все знали, что мушкетеры — враги его высокопреосвященства, и они пользовались любовью за эту вражду к кардиналу. Поэтому гвардейцы других полков, не служившие «Красному герцогу», как прозвал его Арамис, при таких столкновениях принимали сторону королевских мушкетеров. Мимо как раз проходили трое гвардейцев из

полка г-на Дезэссара, и двое из них ринулись на помощь четверем товарищам, тогда как третий помчался к дому де Тревиля, громко крича:

— На помощь, мушкетеры! На помощь!

Как и всегда, двор дома г-на де Тревиля был полон солдат его полка, которые и бросились на поддержку своих товарищей. Получилась всеобщая свалка, но перевес был на стороне мушкетеров. Гвардейцы кардинала и люди г-на де Ла Тремуля отступили во двор дома, едва успев захлопнуть за собой ворота, чтобы помешать противнику ворваться вместе с ними. Раненый Бернажу в тяжелом состоянии был уже до этого унесен в дом.

Возбуждение среди мушкетеров и их союзников дошло до предела, и уже возникал вопрос, не следует ли поджечь дом в отместку за то, что люди де Ла Тремуля осмелились напасть на королевских мушкетеров. Брошенное кем-то это предложение было принято с восторгом, но, к счастью, пробило одиннадцать часов. Д'Артаньян и его друзья вспомнили об аудиенции и, опасаясь, что такую великолепную шутку разыграют без их участия, постарались успокоить эти буйные головы. Несколько камней все же ударились в ворота. Но ворота были крепкие. Это немного охладило толпу. Кроме того, вожаки успели отделиться от толпы и направлялись к дому де Тревиля, который ожидал их, уже осведомленный о случившемся.

— Скорее в Лувр! — сказал он. — В Лувр, не теряя ни минуты, и постараемся увидеться с королем раньше, чем его успеет предупредить кардинал. Мы представим ему это дело как продолжение вчерашнего, и оба сойдут за одно.

Господин де Тревиль в сопровождении четырех приятелей поспешил к Лувру. Но там, к великому удивлению капитана мушкетеров, ему было сообщено, что король отправился на охоту за оленем в Сен-Жерменский лес. Г-н де Тревиль заставил дважды повторить эту новость и с каждым разом все больше хмурился.

— Его величество еще вчера решил отправиться на охоту? — спросил он.

— Нет, ваше превосходительство, — ответил камердинер. — Сегодня утром главный егерь доложил ему, что ночью для него окружили оленя. Король сначала ответил, что не поедет, затем, не в силах отказаться от такого удовольствия, он все же поехал.

— Король до отъезда виделся с кардиналом? — спросил г-н де Тревиль.

— По всей вероятности, да, — ответил камердинер. — Сегодня утром я видел у подъезда запряженную карету его высокопреосвященства. Я спросил, куда он собирается, и мне ответили: в Сен-Жермен.

— Нас опередили, — сказал де Тревиль. — Сегодня вечером, господа, я увижу короля. Что же касается вас, то вам я не советую показываться ему на глаза.

Совет был благоразумный, а главное, исходил от человека, так хорошо знавшего короля, что четыре приятеля и не пытались с ним спорить. Г-н де Тревиль предложил им разойтись по домам и ждать от него дальнейших известий.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМО АЛЕКСАНДРА ДЮМА-СЫНА

Дорогой отец!

Вспоминается ли тебе там, где ты теперь пребываешь, что-либо из прежнего мира или эта вторая жизнь, вечная, существует всего лишь в нашем воображении, взлелеянная посреди укоров человеческому существованию извечным страхом перед небытием? Полностью ли смерть уничтожает тех, к кому прикасается, и только ли живым здесь, на земле, дано преимущество вспоминать? Или же душевная связь тех, кто любил друг друга, не прерывается даже с исчезновением одного из двоих?

Мы постоянно задаем себе эти вопросы над могилами людей, оставшихся дорогими нашему сердцу, а религии и философии еще долгие годы и века будут предлагать свои решения живущим; но ответа мы так и не найдем. Возможно, прав твой Якуб, довольствующийся тем, чтобы

...земную плоть вернуть во власть стихий,
Которым человек издревле, род от рода,
Со смертью отдает все, что дала природа.
Коль воздух и земля с водою и огнем
По воле Господа соединились в нем,
Пусть ветру он вручит и прах, и пепел бренный,
И каждой из стихий вернет свой долг смиренный.

Не ты ли произносил эти слова устами твоего героя-сарацина, не стала ли твоя философия плодом такого материалистического заключения? Мы жили бок о бок, но не рассуждали на эту тему; я уверен, что метафизические измышления никогда не волновали тебя. Сама Природа, одну из сил которой, как говорил Мишле, ты собой являл, и реальная жизнь вполне удовлетворяли твои мощные возможности. Разум твой, постоянно находящийся на службе изобретательного и плодovitого воображения, деяниями наших предков увлеченного более, нежели поступками наших современников, нимало не заботился о потустороннем. Живя среди людей минувших столетий, ты, если можно так выразиться, продлил свою жизнь вспять; ты придерживался этой позитивной вечности, оставив ученым, философам и церковникам споры, впрочем, никчемные, о первопричине и конце всего сущего. Как-то в стихе, предворяющем «Антони», ты высказал сомнение относительно существования души, однако это было скорее ради рифмы и в угоду скептицизму, в то время исключительно литературному, а нынче стремящемуся стать научным.

Если вечность души сомнительна, то бесконечность человечества бесспорна; эту истину должно подтвердить время. О том и разговор. Но человеческая жизнь так коротка, а то, что следует вслед за ней, так продолжительно! Само собой разумеется, что человеку хотелось бы знать, чем будет наполнено это продолжительное время; он инстинктивно стремится в каждый следующий миг бытия быть счастливее, чем в предыдущий, и неизбежно, перед лицом Смерти, лишаящей его всех маленьких радостей и всех маленьких чаяний, он должен питать надежду на то состояние, в котором вкусит наконец вечного и полного блаженства. Он постоянно возвращается к этому ни на чем не основанному убеждению и остается глух к любым философским предположениям, будто бы могущим отдалить его от вечности, не дав взамен ничего более определенного.

Твое пылкое трудолюбие заставляло тебя держаться вне всех этих споров, иссушающих и бесплодных. И если ты случайно задумывался о Бесконечности, той самой, что так тревожила Мюссе, то мгновенно отдавался великой Гармонии, управляющей движением Вселенной и стремящейся проникнуть в нас со всех сторон. Кто создал эту Вселенную? Откуда она? Куда движется? Тебя это не волновало. К чему вопрошать, если никогда не получишь ответа? Вселенная существует, и мы существуем — это достоверно; она содержит нас внутри себя и в миниатюре содержится внутри нас; мы нераздельны, у нас общие цель и судьба. Та Сила, как бы ее ни называли, что установила законы Вселенной, безошибочно скомпоновав ее и запустив ее ход, не ошиблась ни в сотворении человека, ни в создании всего остального, в том числе и Смерти, поскольку эта последняя потребовалась для ее замысла и концепции миров. Невозможно предположить, чтобы Смерть, данная каждому и являющаяся единственным достоверным фактом жизни, не вела бы к чему-то лучшему и не служила бы всеобщей эволюции. Удовлетворимся же тем, что нам дана эта жизнь, попытаемся сделать ее более приятной и полезной для тех, с кем мы ее разделяем, а потом пусть Смерть сотворит с нами то, что ей положено природой.

К чему все эти размышления применительно к «Трем мушкетерам», еще менее, нежели ты и я, озабоченным подобными идеями и придерживавшимся в этой области упрощающей все формулы: «За короля!»? Просто потому, что невозможно вызвать воспоминание о тех, кого мы любили, не всколыхнув и не потревожив главных вопросов, которые, словно стайка ночных пичуг, разлетаются при проникновении в руины и выют, если можно так сказать, свое гнездо в этом слове: «смерть». И вовсе не обязательно, чтобы ушедший был, как ты, известным человеком; довольно того, что он был добрым, а никто не был столь добр, как ты. Так отчего же, не зная, где ты теперь, я адресую тебе это письмо? Оттого, что, когда мы теряем любимых, когда их больше нет там, где они были, значит, они везде, с нами и в нас. Именно тому, что есть во мне всегда, тому, что было моим отцом, я адресую это воспоминание и это выражение чувств, которые, надеюсь, дойдут туда, где он сейчас находится, ежели с того момента, как он перестал участвовать в материальной жизни, он в иной форме участвует в жизни вечной. Могу засвидетельствовать, что с тех пор, как двадцать три года назад мы разлучились, дня не прошло, чтобы я не думал об этом моем самом близком друге, и если бы я вдруг потерял память, мне напомнило бы о нем столько голосов! Поэтому сегодня я хочу воспользоваться возможностью, предоставленной мне великолепной публикацией одного из его шедевров, чтобы сдержать обязательство, взятое мною в торжественную и горькую минуту.

Это было в декабре 1870 года. Мы жили у меня, в Пюи, недалеко от Дьеппа. Отец находился там с августа; он был измотан работой и даже в этом подобен своему великому предшественнику Вальтеру Скотту, так восхищавшему отца и указавшему путь, по которому должно следовать, чтобы догнать его. Целыми днями молча смотрел он на океан, под бледными лучами зимнего солнца сливавшийся с мглистым, серым небом; громкое размеренное дыхание прибоя мешало ему расслышать другой шум — шум человеческого прилива, доносящийся до нас с востока. Какие мысли витали между ним и этим бледным горизонтом? Он улыбался всем, кто составлял ему компанию, а когда я спрашивал, как он себя чувствует, отец всегда отвечал: «Отлично». Было ли у него предвидение скорого конца, о котором он не хотел нам говорить, дабы не тревожить, или же то была попросту потребность отдыха, равного выполненной работе, и ощущение того блаженного состояния, что доставлял этот отдых его мощному, но ослабленному организму? Он не страдал; он ничем не был озабочен; он чувствовал себя любимым и не желал ничего иного. После долгого страдного дня, сидя подле очага, он позволял заслуженному сну понемногу завладевать им.

Как всегда по утрам, я требовал, чтобы он поднялся, — единственное, что было ему трудно, но необходимо, дабы побороть его слабость. Однажды, 4 декабря, он остановил на мне свои такие большие и такие нежные глаза и тоном, каким дитя спрашивает мать, сказал мне: «Умоляю тебя, не застав-

ляй меня вставать; мне здесь так хорошо!» Я больше не настаивал и присел на его кровать. Внезапно он задумался, лицо его приняло выражение крайней сосредоточенности и сильно погрузнело. Я заметил, как в его недавно столь ласковых глазах блеснули слезы. Я спросил, что его так опечалило. Он взял меня за руку, взглянул мне прямо в глаза и твердым голосом произнес:

— Я скажу тебе, если ты обещаешь ответить на мой вопрос не с сыновним пристрастием или дружеским сочувствием, а с мужественной братской искренностью и авторитетом справедливого судьи.

— Обещаю тебе.

— Поклянись.

— Клянусь.

— Так вот...

Он поколебался еще некоторое время; затем решил:

— Так вот! Думаешь ли ты, что от меня что-нибудь останется?

Он неотрывно смотрел мне в глаза.

— Если, кроме этого, тебя больше ничего не беспокоит, — весело сказал я, тоже глядя прямо ему в глаза, — можешь быть спокоен, от тебя останется много.

— Правда?

— Правда.

— Слово чести?

— Слово чести.

И поскольку, пытаясь скрыть свое волнение, я заулыбался, он мне поверил. Рукой, держащей мою, он притянул меня к себе, и мы крепко обнялись. Он не сказал больше ни слова, словно ничего здесь его уже не интересовало. Изредка он с благодарностью взглядывал на меня и сильнее стискивал мою руку. Он все глубже впадал в забытие. Назавтра, 5 декабря, у него начался жар, и в десять часов вечера, сам того не зная, он легко умер, не приходя в сознание.

С тех пор, как ты спросил мое мнение, прошло двадцать три года, и каждый день подтвердил заверение, которое я дал тебе тогда, в тот ответственный миг, ни минуты не сомневаясь в собственных словах. Ибо мир мысли, а вместе с ним мир вымысла управляется законами столь же безусловными и столь же непреложными, как те, что управляют той Вселенной, равновесием и гармонией которой я только что восхищался. Человек полностью отдается лишь тому, что его возбуждает, пленяет, волнует, вдохновляет, возвышает; тому, что будит в нем ощущение своей значимости и чувство собственного достоинства, ощущение всего возвышенного, что есть в нем, и что писательский гений призван пробудить или взрастить. Человек никогда не будет испытывать продолжительного удовольствия при рассказе о своих бесчинствах или низостях. Возможно, особенно в ранней юности, на школьной ска-

мье, в том возрасте, коему свойствен интерес к крайностям, он обнаружит некоторое нездоровое и одинокое пристрастие к низменным психологиям, но вскоре ему надоедят и опротивеют эти картины, и он непременно вернется ко всему здоровому и живительному. Впрочем, в том зеркале, что предлагают ему поэты, драматурги, романисты и прочие рассказчики, он не стремится увидеть себя таким, каков он есть: он прекрасно знает себя изнутри; тот, кого он ищет, — это другой он, тот он, в существование которого он верит и которым не теряет надежды стать. Он хорошо знает, что прекрасное и доброе, хотя они и более редки, столь же подлинны, как уродливое и плохое, и что порок не имеет монополии на истину. Повсюду, куда призваны его душа и сердце — а что, кроме религии и любви, более подходит для них, нежели чтение? — ему необходимы надежда, утешение, поддержка, идеал.

Вглядитесь в глаза этого мужчины или этой женщины — они не отрываются от страниц, лихорадочно их перелистывая. Какое растворение в том, кто тихим голосом говорит с ними! Вот в чем состоит внушение, передача мысли, подмена одной воли другой! Думаете, в таком растворении, в таком забвении самого себя и всего, что не есть герой или героиня приключения, нет ничего, помимо любопытства? За всем этим стоит сознание, не подозревающее, что участвует в этом деле, но непрерывно наблюдающее; его чаяния и потребности никогда не замирают — как наше сердце, бьющееся даже, когда мы этого не ощущаем. И это сознание требует свою часть в нахлынувшем чувстве. Горе тем, кто этой части ему не уделяет, ибо все мы заботимся о душе!

Вот почему, мой добрый и дорогой отец, я смог сказать тебе, что от твоего творчества останется много, и прошедшие с той поры годы подтвердили мои слова. Вот почему вместе со своими здоровыми, веселыми, умными, верными, бесстрашными, благородными, готовыми отдать жизнь за дело чести, преданными самым возвышенным чувствам героями ты вот уже более полувека внушаешь восторг множеству людей. Вот почему, вопреки всем школам, всем эстетикам, всем более или менее правдивым спорам, всем восторгам и всем поношениям, от которых отбивается современная литература, ты был, есть и будешь самым захватывающим писателем, самым популярным в хорошем смысле этого слова романистом не только во Франции, но и во всем мире. Ты стал частью того, что облегчает и утишает человеческую скорбь. Недавно один великий хирург сказал мне: «У нас в клинике все больные выздоравливают или умирают с книгой вашего отца под подушкой; когда мы хотим, чтобы они позабыли об ужасах предстоящей операции, о медленности выздоровления, о предчувствиях конца, мы прописываем им чтение романов или путевых заметок господина Дюма, и они забывают обо всем». Тобой не только восхищаются, тебя любят, что стоит гораздо больше; а страждущие и те, кому ты помог вынести или позабыть страдания, благодарят тебя. Благодаря тому, что ты заинтересовал, увлек, воодушевил, заставил смеяться или плакать этих больших детей, которых называют людьми, они стали считать тебя членом своей семьи и зовут тебя папаша Дюма.

Я представляю тебя подле добряка Лафонтена. Ты — пращур, улыбающийся и рассказывающий в сумерках прекрасные истории былых времен.

С того дня, когда я посулил тебе такую славу, во Франции было напечатано и продано два миллиона восемьсот сорок тысяч томов твоих произведений и восемьдесят миллионов иллюстрированных изданий; шестьсот твоих сочинений были перепечатаны парижскими и провинциальными газетами, не говоря уже о странах, не имеющих с нами договоров, ворующих твои романы и распространяющих их миллионными тиражами на своих национальных языках. Договоры, заключенные мною с издателями, оставляют за мной право издать великолепное собрание твоих избранных произведений. Оно может составить двадцать пять увесистых томов; я пока его не подготовил; я хочу дать публике возможность узаконить этот труд и самой сделать отбор. Я не пытался навязать ей какие-то предпочтения. И вот сегодня у твоих издателей, самостоятельно, без того, чтобы я во что-либо вмешался, родилась превосходная идея увековечить постоянно растущую славу «Трех мушкетеров» в этой прекрасной книге, оформленной выдающимся иллюстратором «Манон», «Сентиментального путешествия», «Исповеди Жан-Жака Руссо» Морисом Лелуаром. Затем последует «Шевалье де Мэзон-Руж», проиллюстрированный Лебланом, мэтром вандейских художников. Сообщая о завершении работы над своим двухсотпятидесятым рисунком, Морис Лелуар написал мне: «Вот уже два года как я живу с д'Артаньяном, Атосом, Портосом, Арамисом и другими персонажами этой великой эпопеи. Вы не поверите, с какой болью я расстаюсь с ними. Если бы я мог поскорее вновь повстречаться с ними, принявшись за «Двадцать лет спустя!»»

Это письмо напомнило мне о том, как ты кончал работу над «Виконтом де Бражелоном». В тот день я пришел тебя проведать как раз в минуту мимолетного отдыха, когда ты с грустью сидел в глубоком кресле. Глаза твои были красны. «Ты плакал? Что с тобой?» Я и сейчас слышу ответ: «Большое горе. Портос умер. Я только что убил его. И я не мог не оплакать его. Бедный Портос!»

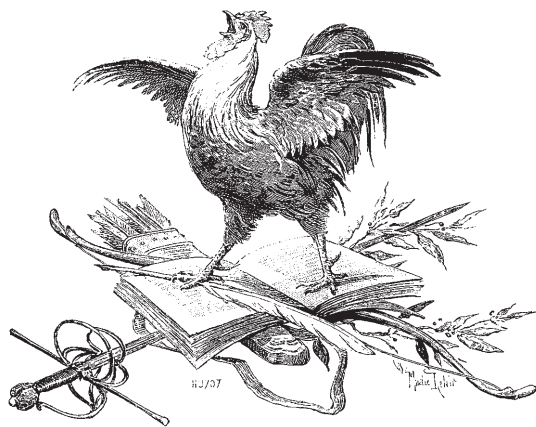
Именно с такими убеждениями и такой взаимозависимостью создаются шедевры.

Но перенесемся и в тот день, когда ты начинал эту прекрасную книгу, — какая увлеченность, какая радость, какое здоровье было в этой работе! Помню маленькую квартирку, которую ты снял себе для работы в том же доме, где и жил, только во дворе. Там не было ничего, кроме большого стола светлого дерева, дивана, двух стульев, книг на каминной полке и железной кровати, на которой ты спал по несколько часов, если вечерняя работа затягивалась до ночи. Там ты скрывался, чтобы тебя не беспокоили все эти докучливые бездельники, что бесконечно осаждали твои двери, как всегда, открытые для всех. В панталонах до полу, в одной рубашке с закатанными до локтей рукавами и расстегнутым воротом, ты принимался за работу в семь утра и работал до семи вечера, когда я приходил к тебе, чтобы вместе пообедать. Несколько раз на маленьком столике, поставленном слугой подле твоего «станка», я обнаруживал нетронутый завтрак. Ты забывал прикоснуться

к нему, и во время обеда, во время отличного обеда, блюда которого, чтобы отвлечься, тебе случалось готовить самому, ты рассказывал нам, что твои персонажи сделали за день, и радовался при мысли о том, что они будут делать завтра. Так продолжалось месяцами. Какой это был прекрасный, какой бодрящий труд! «Что это за искусство, — говаривал Коро, непрерывно насвистывавший, когда рисовал, — что это за искусство, если оно не веселит?» Ты был того же мнения, и чем больше жизни ты придавал своим созданиям, тем больше ее прибывало тебе, — так великие реки, питаемые таинственными источниками, обновляются по мере того, как разветвляются и ширятся. Ах! Чудное время! Мы были одного возраста: тебе сорок два, мне двадцать. Веселые разговоры! Сладкие излияния! Чудеса сердца и памяти! Как будто это было вчера!

А ты вот уже почти четверть века спишь под высокими деревьями кладбища в Виллье-Коттере; по одну руку от тебя твоя матушка, служившая прообразом всех описанных тобою честных женщин, а по другую — твой отец, бывший для тебя образцом тех отважных, прямодушных и добросердечных героев, которым ты подарил жизнь. У меня же, кого ты всегда считал ребенком и кто таким и пребывал возле тебя, волосы теперь такие седые, каких у тебя никогда не было, и мне уже больше лет, чем было тебе, когда ты нас покинул. Земля крутится быстро. До скорой встречи!

Александр Дюма-сын

О ХУДОЖНИКЕ ЭТОЙ КНИГИ

Морис Лелуар (Maurice Leloir) — известный французский живописец, акварелист, гравер, иллюстратор, драматург, сценарист, эксперт в области истории моды, художник театра и кино. Родился в Париже 1 ноября 1851 года, умер 7 октября 1940 года.

Лелуар появился на свет в семье художников: его отец — Жан-Батист Огюст Лелуар (1809—1892) был историческим живописцем, а мать — Элоиза Лелуар (1820—1874) — талантливой аквалеристкой. Профессиональное образование Лелуар получил в семье.

Морис Лелуар оказался талантливым акварелистом и много лет возглавлял французское Общество акварелистов. Успехом пользовались также его полотна на исторические темы, театральные декорации и афиши. В 1906 году он основал Общество истории костюма и стал его президентом. Большой популярностью пользовался написанный Лелуаром и проиллюстрированный им же «Словарь по истории костюма». В 1920 году он подарил музею Карнавале свою знаменитую коллекцию из 2000 костюмов и аксессуаров, которая и составила основу собрания современного Музея Гальера (также известен как парижский музей Моды).

Книжные иллюстрации одна из вершин творчества Мориса Лелуара. Он проиллюстрировал произведения Вольтера, Жан-Жака Руссо, Мольера, Оноре де Бальзака, аббата Прево, Ги де Мопассана, Лесажа, Стерна и других писателей. Популярны также работы Лелуара к монографиям об известных исторических лицах: в 1904 году изданы 36 акварелей в книге о Людовике XIV, а в 1910 году — 40 цветных иллюстраций в книге о Ришелье.

К творчеству Александра Дюма Морис Лелуар обращался неоднократно. В 1894 году к 50-летию первого издания книги «Три мушкетера» в парижском издательстве «Calmann Levy» вышло двухтомное юбилейное издание. Для него Морис Лелуар сделал 250 иллюстраций, которые с полным правом можно назвать шедеврами мировой книжной иллюстрации. В этой работе Лелуар с поразительной проницательностью и исторической достоверностью не только создал психологически точные портреты героев, но и сумел крайне скрупулезно изобразить все атрибуты материальной культуры эпохи Людовика XIII. В 1903 году он подготовил для этого же издательства ил-

люстрации к «Графине де Монсоро». А в 1928 году звезда немого кино Дуглас Фэрбенкс пригласил Лелуара в Голливуд в качестве художественного консультанта на съемки фильма «Человек в железной маске» по третьей части романа Дюма «Виконт де Бражелон».

Несмотря на разностороннюю одаренность и успешность в исполнении всех задуманных проектов, Лелуар останется для нас навсегда, в первую очередь, гениальным создателем образов героев из «Трех мушкетеров» Александра Дюма.

**СПИСОК
ИЛЛЮСТРАЦИЙ**

Часть первая

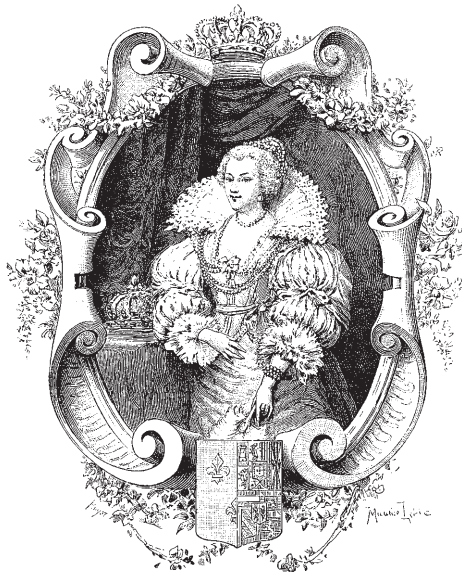
1. Виньетка	1
2. Мушкетер и гвардеец Франции	5
3. Портрет Александра Дюма	6
4. Перо Александра Дюма	7
5. Слава	9
6. Знамя королевского дома	10
7. Медальоны с портретами Атоса, Портоса, Арамиса и д'Артаньяна	11
8. « — Что ж, всыпьте ему хорошенько, раз он этого хочет »	13
9. « Г-н д'Артаньян-отец вручил сыну свою собственную шпагу »	16
10. « Д'Артаньян каждую улыбку воспринимал как оскорбление »	18

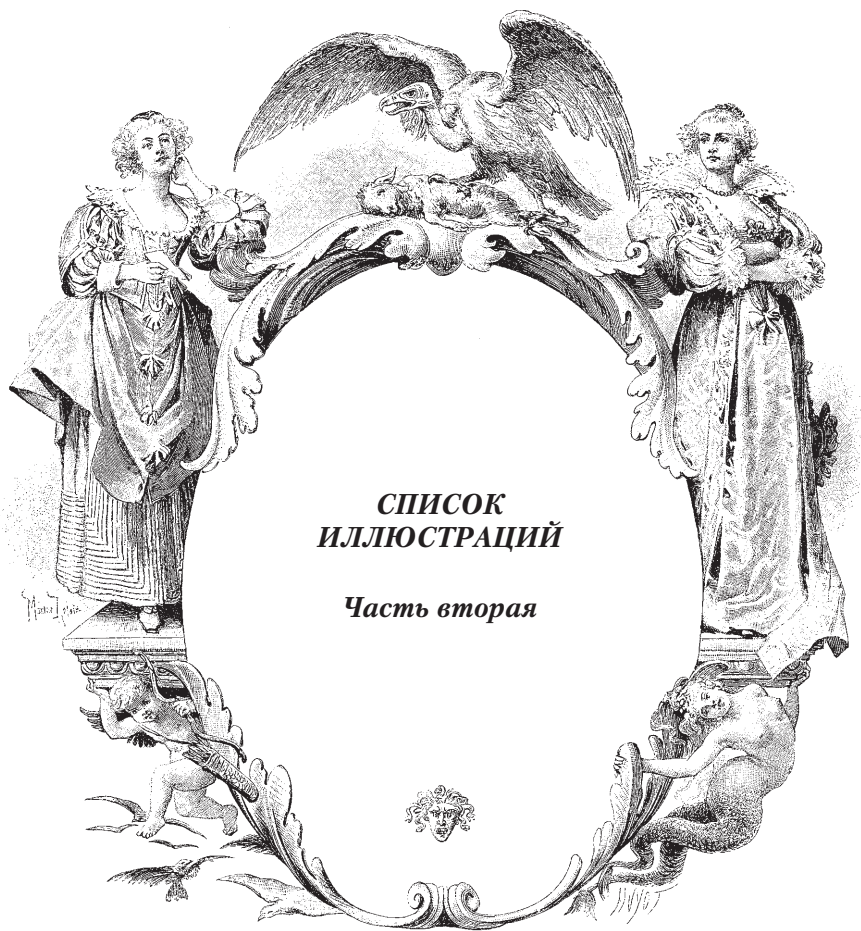
11. « — На глазах у дамы, я полагаю, вы не решитесь сбежать?»	23
12. «Д'Артаньян продал коня за три экю»	26
13. «Эти трое напали на него, ловко орудуя шпагой»	31
14. «Окружающие шумно восхищались шитой золотом перевязью»	33
15. « — Сейчас мне вздумалось сказать вам, что вы мне надоели»	35
16. « — Вам такая роскошная золотая перевязь нужна, должно быть, чтобы повесить на ней соломенную шпагу?»	39
17. « — Лекаря, или, тысяча чертей, мой храбрый Атос умрет!»	41
18. « — Сумасшедший! — пробормотал де Тревиль»	46
19. « — Поэтому прошу вас: отпустите меня, не задерживайте»	48
20. « — С ума вы спятили, что бросаетесь на людей?»	49
21. «Он с самым любезным видом вытащил платок из-под ноги мушкетера»	52
22. «Д'Артаньян приблизился к противнику, держа шляпу в руке»	57
23. « — Мы будем иметь честь атаковать вас, — произнес Арамис»	60
24. «Гасконец насквозь пронзил его своей шпагой»	62
25. «Он отнес к крыльцу монастыря Жюссака»	63
26. «Он шагал между Атосом и Портосом, с любовью обнимая их»	64
27. « — Славный юноша! — прошептал король»	67
28. «Один из мячей, пролетая, чуть не коснулся лица д'Артаньяна»	69
29. « — На помощь, мушкетеры!»	71
30. «Бернажу не мог скрыть истину»	75
31. « — И вот, — добавил он, — доказательство, что я доволен»	80
32. «Он увидел его на мосту Ла-Турнель»	83
33. «Тогда Атос пожимал плечами и без малейшего гнева колотил Гримо»	84
34. «Мушкетон, сопровождая своего господина, имел очень представительный вид»	87
35. «Наступил черед Атоса, Портоса и Арамиса ходить в караул вместе с д'Артаньяном»	90
36. «Они уничтожили целиком весь его двухмесячный запас»	93
37. « — Выше, сударь, много выше!»	94
38. « — Незнакомец из Менга! — крикнул в ответ д'Артаньян и скрылся»	98
39. « — Дело неплохое, — сказал Атос»	102
40. « — За здоровье короля и за здоровье кардинала!»	105
41. « — Все за одного, один за всех!»	107
42. « — О сударь, сударь, вы убьетесь! — закричал Планше»	110

43. «Победа досталась д'Артаньяну без особого труда»	111
44. «Не прикрыв за собой дверей, они побежали по улице Могильщиков»	114
45. «Д'Артаньян успел переставить часы на три четверти часа назад» . . .	116
46. «Это был платок»	122
47. «Д'Артаньян схватил протянутую ему руку и страстно припал к ней губами»	127
48. « — Ради всего святого, милорд! — вскрикнула г-жа Бонасье»	131
49. «Джордж Вилльерс остановился перед зеркалом»	134
50. «Бекингэм упал к ее ногам»	135
51. «Бекингэм страстно прильнул губами к этой прекрасной руке» . . .	138
52. «Господин Бонасье растерялся»	142
53. « — Но это вовсе не господин д'Артаньян! — вскричал Бонасье» . . .	145
54. «Он издал слабый крик и лишился чувств»	147
55. «Его повели вверх по какой-то лестнице»	149
56. « — Вы обвиняетесь в государственной измене, — медленно проговорил кардинал»	151
57. « — Это он! — вскричал Бонасье»	153
58. «Пятясь задом, он вышел из комнаты»	156
59. « — Я не понимаю вас, — надменным тоном произнес король»	159
60. « — Гасконский упрямец, замолчите вы наконец! — сказал король» .	163
61. «Господин де Тревиль освободил Атоса»	164
62. « — Сейчас к вам зайдет господин канцлер»	169
63. « — Письмо здесь»	171
64. «Кардинал взял письмо и прочел с величайшим вниманием»	173
65. « — Вы будете на этом балу?»	178
66. « — Возьми этот перстень, — сказала она»	180
67. « — Откуда эти деньги?»	184
68. « — Это будет вдвойне забавно»	189
69. « — Тише, — проговорил д'Артаньян, взяв ее руку»	191
70. «Муж ее, заметивший исчезновение мешка с деньгами, взывал о помощи»	192
71. « — А что же мы будем делать в Лондоне?»	198
72. «Каждый из них взял себе семьдесят пять пистолей»	200
73. «Портос назвал его пьяницей. Незнакомец выхватил шпагу»	202
74. «Тогда все эти люди отступили к канаве и вооружились спрятанными там мушкетями»	204

75. «Они скакали еще часа два»	205
76. «Его посадили у входа в какой-то кабачок»	207
77. « — Я в ловушке! — закричал Атос»	208
78. «Д'Артаньян пригвоздил его к земле четвертым ударом в живот»	210
79. «Через пять минут они были на борту»	212
80. « — О, Небо! Что я узнаю! — воскликнул герцог»	214
81. «Он продолжал нестись тем же бешеным аллюром»	216
82. « — Все погибло! — воскликнул герцог, побледнев как смерть»	217
83. « — Вот, — сказал герцог, — алмазные подвески, за которыми вы приехали»	221
84. « — Поезжайте, и да хранит вас Бог!»	223
85. «Старшина торгового сословия произнес приветствие»	226
86. « — Почему же, позвольте вас спросить, вы не надели алмазные подвески?»	228
87. «Балет продолжался час; в нем было шестнадцать выходов»	230
88. «Он упал на колени, схватил эту руку и почтительно прикоснулся к ней губами»	231
89. « — О, только бы ваше предсказание сбылось!»	235
90. « — Никогда! — вскричал д'Артаньян»	238
91. «Планше как раз чистил их скребницей»	241
92. «В один миг он очутился среди ветвей»	244
93. «Он с опаской взобрался на лестницу»	248
94. «Двое из них спустились по лестнице, неся женщину на руках»	249
95. « — Ваши чулки и башмаки тоже требуют щетки»	252
96. «Он упал на спину»	260
97. «Увидев друга, Портос вскрикнул от радости»	262
98. « — Вот через эту-то отдушину я и бросаю лассо»	265
99. «Д'Артаньян страшно скучал, кюре — тоже»	271
100. « — Эта поза, признаюсь, несколько вольная, не понравилась офицеру»	276
101. «И оба друга пустились плясать»	279
102. « — Ах, вы меня не узнаете!»	287
103. « — Так вы, господа, желаете драться?»	289
104. «В эту минуту за спиной Атоса появился Гримо с мушкетом на плече»	290
105. «Вопли хозяина и хозяйки проникли сквозь своды погреба»	292
106. «Вошел хозяин с заказанными бутылками»	295

107. «Он связал ей руки за спиной и повесил ее на дереве»	296
108. « — Какой необыкновенный ход!»	303
109. «Из него вылезли Планше и Гримо с седлами на голове»	305
110. « — Все вы ошибаетесь, господа, — серьезно возразил Атос»	308
111. «Дама бросала быстрые, как молния, взгляды на ветреного Портоса»	313
112. «Он вынул из чаши руку, окропленную святой водой»	314
113. « — Неблагодарный!»	318
114. « — Вашему господину, — сказала она»	321
115. «Маленькая дамская безделушка разлетелась на тысячу кусков» . .	322
116. «Рванул за повод и остановил его»	324
117. «Портос вынул шпагу из ножен и начал наносить удары стене» . . .	325
118. Марс посылает Амура с ходатайством к Фортуне	326

**СПИСОК
ИЛЛЮСТРАЦИЙ**

Часть вторая

119. Медальоны с портретами графини де Винтер, Констанции Бонасье и г-жи Кокнар	327
120. «Д'Артаньян наговорил кучу любезностей»	329
121. « — Я мог бы убить вас, сударь»	331
122. « — Добро пожаловать, сударь! — сказала миледи»	335
123. «Высокий бледный писец отворил дверь»	337
124. «Появился мэтр Кокнар; его везла в кресле на колесах г-жа Кокнар»	339
125. «Он увидел горящие глаза, заранее пожирающие эту вожделенную курицу»	341
126. «Быстрым, как молния, движением он распечатал письмо»	346

127. «Бедная девочка, которой очень хотелось поверить ему, поверила»	348
128. «Д'Артаньян взял перо и написал»	352
129. «Он вынул сто пятьдесят двойных испанских пистолей».	357
130. « — Это та самая лошадь, на которой я приехал в Париж»	358
131. «Несчастливые животные начали шуметь»	359
132. «Она услышала, как вошел д'Артаньян, но не подняла головы»	362
133. «Атос внимательно смотрел на сапфир в оправе из алмазов»	365
134. «Кэтти решила, что миледи лишилась чувств».	367
135. « — Так вы меня любите? — спросила она»	370
136. «И он заключил ее в объятия»	373
137. «Д'Артаньян увидел цветок лилии».	378
138. «Миледи продолжала яростно кидаться на него»	380
139. «Миледи, тоже полунагая, крикнула, высунувшись из окна»	381
140. «Все это только ускорило его бег»	383
141. « — Не смейтесь, друг мой, — вскричал д'Артаньян».	385
142. « — Помогите мне уехать из Парижа»	387
143. «Он остановил их, чтобы полюбоваться их блестящей экипировкой».	395
144. «Карета промчалась с быстротой молнии»	396
145. «Д'Артаньян узнал кардинала»	398
146. « — Я буду следить за вами»	402
147. «Д'Артаньян уже выступил в поход со своей ротой»	404—405
148. «Она махала платком, высунувшись из окна»	406
149. «Пуля пробила фетровую шляпу д'Артаньяна»	411
150. « — Найдутся ли здесь четыре человека, желающие пойти со мной на смерть? — крикнул д'Артаньян, поднимая шпагу».	413
151. «Один из них схватил ружье за ствол»	415
152. «Тот, кто хотел убить его, только что спас ему жизнь»	416
153. «Все трое побежали к своим постам»	420
154. «Король прибыл со всей своей свитой и с подкреплением в десять тысяч солдат»	421
155. «В страшных мучениях он испустил последний вздох».	423
156. « — Ваше имя? — в третий раз повторил кардинал»	430
157. «Трактирщик стоял на пороге»	432
158. «Атос сделал знак своим товарищам замолчать»	435
159. «Кардинал мысленно подыскивал выражения, в которых он собирался составить эту записку».	438

160. «Атос взял в зубы шпагу и поехал по дороге к лагерю»	440
161. « — Граф де Ла Фер! — прошептала миледи, бледная».	442
162. « — Сударыня, вы сию же минуту отдадите мне бумагу»	444
163. « — Я держу с вами пари, — начал Атос, — что трое моих товарищей — господа Портос, Арамис и д'Артаньян — и я позавтракаем в бастионе Сен-Жерве»	449
164. «Атос приставил дуло к уху Гримо»	451
165. «Атос снял шляпу, насадил ее на острие шпаги и помахал ею в воздухе»	452
166. «Четыре друга принялись за дело»	454
167. « — Поэтому мы просим вас подождать, пока мы кончим завтракать»	457
168. «Д'Артаньян дрожащей рукой развернул ее»	458
169. « — Мы, что же, раздавили всех до одного? — спросил Атос»	463
170. «Дюжину мертвецов он разместил вдоль стены в самых живописных позах»	465
171. «Атос повернулся спиной к защитникам города и помахал знаменем»	467
172. « — Да здравствуют гвардейцы! Да здравствуют мушкетеры!»	469
173. «Д'Артаньян весь день щеголял своей мушкетерской формой»	472
174. «Д'Артаньян бросил мешок на стол»	476
175. «Атос прочел все вслух»	479
176. «Атос держал письмо, пока оно не обратилось в пепел».	482
177. «Миледи, вне себя от гнева, металась по палубе»	485
178. «Восемь весел сразу погрузились в воду»	486
179. « — Как! Лорд Винтер? Вы?»	490
180. «Миледи испустила сдавленный стон»	494
181. « — Это чудовище, которому всего двадцать пять лет, совершило столько преступлений, сколько вы не насчитаете и за год в архивах наших судов»	496
182. « — Офицер! — крикнул Гримо»	501
183. «Кардинал смертельно побледнел»	503
184. «Друг мой, вы съедите этот клочок бумаги»	506
185. « — Да нет, господин лейтенант, эта женщина не спит»	509
186. « — Ах, Боже мой, Боже мой, как мне было плохо! — прошептала миледи»	511
187. « — Посмотри-ка, Джон, как хорошо она умеет владеть ножом!»	512
188. « — Лорд Винтер отлично знает, что я не одного с ним вероисповедания»	515

189. «Часовой у ее двери ходит иначе, чем ходил до сих пор»	517
190. « — Приказ отвезти в... поименованную Шарлотту Баксон»	524
191. «И она запела тот самый гимн, который накануне привел Фельтона в такое восторженное состояние»	526
192. « — Я скучала и развлекалась тем, что плела эту веревку»	528
193. «Барон, взяв офицера под руку, пошел с ним к двери»	532
194. « — Я с ужасом увидела, что в нескольких шагах от меня стоит человек»	539
195. « — С криком горести и отчаяния я нанесла ему удар в грудь»	544
196. «Миледи видела, что у него не хватает сил выслушать ее рассказ до конца»	546
197. « — Раскаленное железо, железо палача, впилося в мое плечо».	548
198. «Он упал перед ней на колени»	550
199. « — Смотрите, милорд, вот женщина, которая была под моей охраной и лишила себя жизни»	552
200. « — Фельтон! — вскричала она. — Я спасена!»	555
201. «Миледи встала на кресло и высунулась в окно»	556
202. «Они продолжали висеть, не двигаясь и затаив дыхание»	557
203. «Фельтон вошел по пояс в воду»	559
204. «Фельтон первый взобрался по трапу и подал миледи руку»	561
205. « — Вы не подпишете этого приказа, милорд!»	565
206. «Фельтон всадил ему в бок нож по самую рукоятку»	567
207. «Бекингэм смог еще положить мешочек на дно ларца»	569
208. «Фельтон понял все предательство миледи».	571
209. «Кардинал проводил его величество».	575
210. « — Это он! — вскричал д'Артаньян. — Это он! Дайте мне его догнать!»	577
211. « — «Армантьер», — прочитал Портос. — Армантьер. Не слышал такого места».	578
212. «Призываю в свидетели Господа Бога, что я ревностная католичка!»	582
213. « — Вы знаете господина д'Артаньяна? — вскричала послушница»	585
214. «Обе женщины с минуту держали друг друга в объятиях»	587
215. « — А! — воскликнули одновременно миледи и Рошфор. — Это вы!»	591
216. «Рошфор галопом умчался обратно»	594
217. «Миледи напряженно всматривалась в даль»	601

218. « — Пейте, это вино придаст вам силы! Пейте!»	602
219. « — О д'Артаньян, любимый мой! Наконец ты приехал, ты не обманул меня!»	603
220. «Она, задыхаясь, упала на руки Портоса и Арамиса»	605
221. «Д'Артаньян сжимал в объятиях труп»	607
222. «Планше, Гримо, Мушкетон и Базен явились к Атосу и получили от него ясные, точные и обдуманые приказания»	610
223. «Как только высокий человек прочитал эти две строчки, он тотчас поклонился»	612
224. «Посреди клироса стоял гроб с телом жертвы»	613
225. «Он вернулся в сопровождении человека в маске»	615
226. «Гримо протянул руку по направлению к реке Лис»	617
227. «Миледи вскрикнула и отшатнулась»	619
228. « — Кто это, кто это? — вскричала миледи»	621
229. «Миледи на коленях проползла несколько шагов к своим судьям»	623
230. «Когда все пришли на берег реки, палач связал ей руки и ноги»	625
231. «Д'Артаньян упал на колени и стал читать молитву»	627
232. «Тогда с другого берега увидели, как палач медленно поднял обе руки»	628
233. « — Да свершится правосудие Божие!»	629
234. « — Умерла? — повторил кардинал»	634
235. « — Ваша светлость, моя жизнь принадлежит вам, располагайте ею отныне!»	636
236. «Он взял перо, вписал имя д'Артаньяна и подал ему грамоту»	638
237. « — В четвертый раз я, вероятно, убью вас, — сказал он, протягивая Рошфору руку»	639
238. «Король въехал через увитую цветами и зеленью аркаду, сооруженную в предместье Сен-Жак»	640
239. Четыре призвания.	642
240. Крест и ветвь.	643
241. Портрет Александра Дюма-сына	645
242. Народный роман	651
243. Его величество Людовик XIII, король Франции и Наварры, и Арман-Жан дю Плесси, кардинал, герцог де Ришелье	654
244. Ее величество Анна Австрийская, королева Франции и Наварры.	658

245. Констанция Бонасье и графиня де Винтер	659
246. Джордж Вилльерс, герцог Бекингэмский	664
247. Д'Артаньян, Атос, Портос, Арамис	665
248. Амур и оружие.	666
249. Вступление Людовика XIII в Ла-Рошель 28 октября 1628 года	667
250. Оружие Д'Артаньяна	668

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

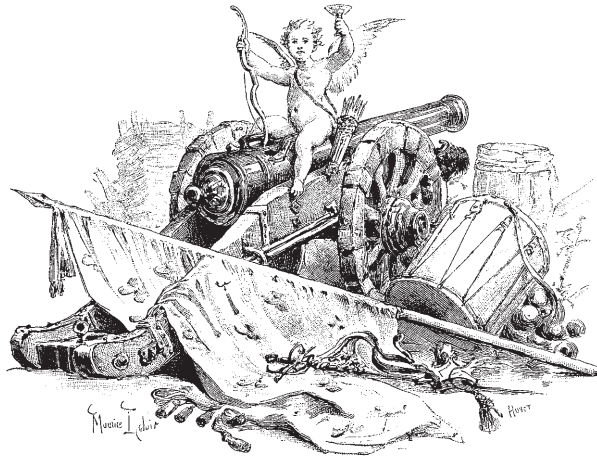
ТРИ МУШКЕТЕРА

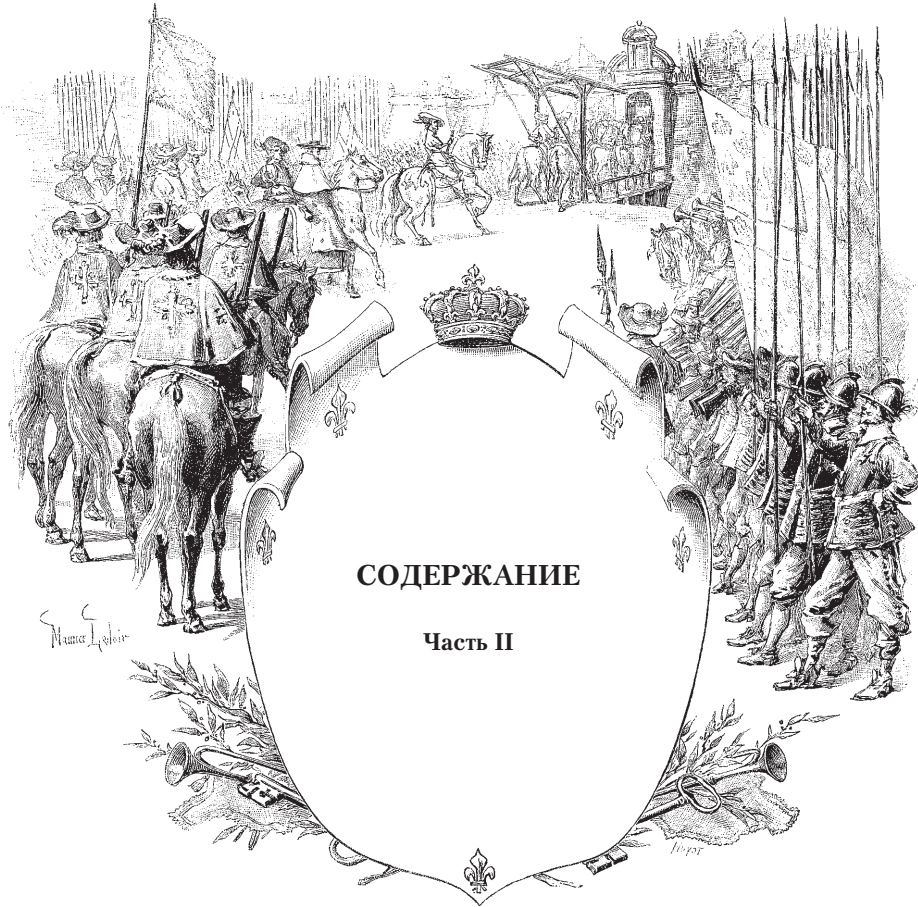
Предисловие автора 7

Часть первая

I. Три дара г-на д'Артаньяна-отца	13
II. Приемная г-на де Тревиля	27
III. Аудиенция	37
IV. Плечо Атоса, перевязь Портоса и платок Арамиса	47
V. Королевские мушкетеры и гвардейцы г-на кардинала.	55
VI. Его величество король Людовик XIII	65
VII. Мушкетеры у себя дома.	82
VIII. Придворная интрига	91
IX. Характер д'Артаньяна вырисовывается	100
X. Мышеловка в семнадцатом веке.	107
XI. Интрига завязывается	117
XII. Джордж Вилльберс, герцог Бекингэмский	133

XIII. Господин Бонасье	140
XIV. Незнакомец из Менга	148
XV. Военные и судейские	157
XVI. О том, как канцлер Сегье не мог найти колокол, чтобы ударить в него, по своему обыкновению.	165
XVII. Супруги Бонасье	176
XVIII. Любовник и муж	187
XIX. План кампании	193
XX. Путешествие.	201
XXI. Графиня Винтер.	215
XXII. Мерлезонский балет.	224
XXIII. Свидание.	232
XXIV. Павильон	242
XXV. Портос	251
XXVI. Диссертация Арамиса	266
XXVII. Жена Атоса	281
XXVIII. Возвращение.	298
XXIX. Погоня за снаряжением.	311
XXX. Миледи	319

СОДЕРЖАНИЕ

Часть II

Часть вторая

I. Англичане и французы.	329
II. Обед у прокурора	336
III. Субретка и госпожа	344
IV. В которой говорится об экипировке Арамиса и Портоса	353
V. Ночью все кошки серы.	361
VI. Мечта о мщении	368
VII. Тайна миледи.	375
VIII. Каким образом Атос без всяких хлопот нашел свое снаряжение	382
IX. Видение.	390
X. Грозный призрак	399
XI. Осада Ла-Рошели	407
XII. Анжуйское вино	419
XIII. Трактир «Красная голубятня».	426

XIV. О пользе печных труб	434
XV. Супружеская сцена	441
XVI. Бастион Сен-Жерве	446
XVII. Совет мушкетеров	453
XVIII. Семейное дело	471
XIX. Злой рок	484
XX. Беседа брата с сестрой	491
XXI. Офицер	497
XXII. Первый день заключения	507
XXIII. Второй день заключения	513
XXIV. Третий день заключения	519
XXV. Четвертый день заключения	526
XXVI. Пятый день заключения	533
XXVII. Испытанный прием классической трагедии	547
XXVIII. Побег	553
XXIX. Что происходило в Портсмуте 23 августа 1628 года	562
XXX. Во Франции	572
XXXI. Монастырь кармелиток в Бетюне	579
XXXII. Две разновидности демонов	590
XXXIII. Последняя капля	595
XXXIV. Человек в красном плаще	609
XXXV. Суд	616
XXXVI. Казнь	624
<i>Заключение</i>	630
<i>Эпilog.</i>	639

Приложение

Письмо Александра Дюма-сына. <i>Перевод М. Яснова</i>	645
О художнике этой книги	652
<i>Список иллюстраций.</i> Часть первая	654
<i>Список иллюстраций.</i> Часть вторая	659

